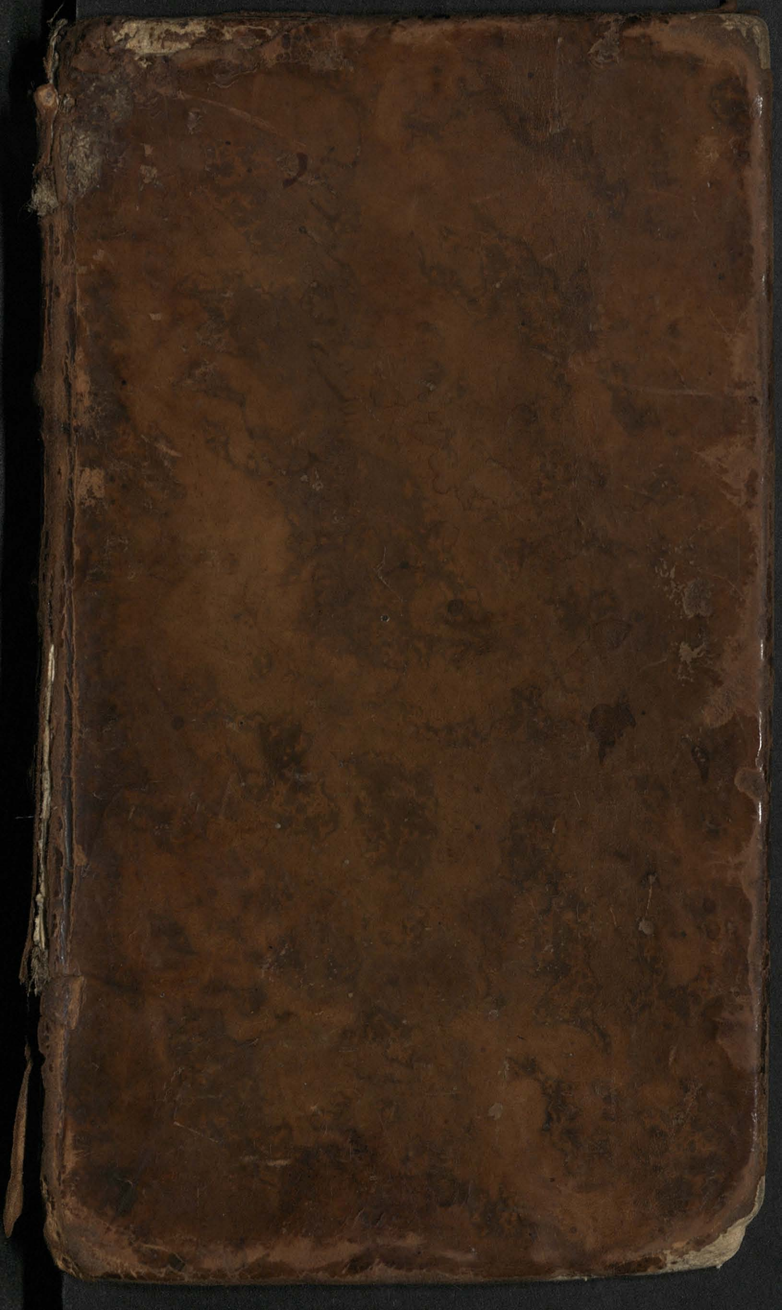
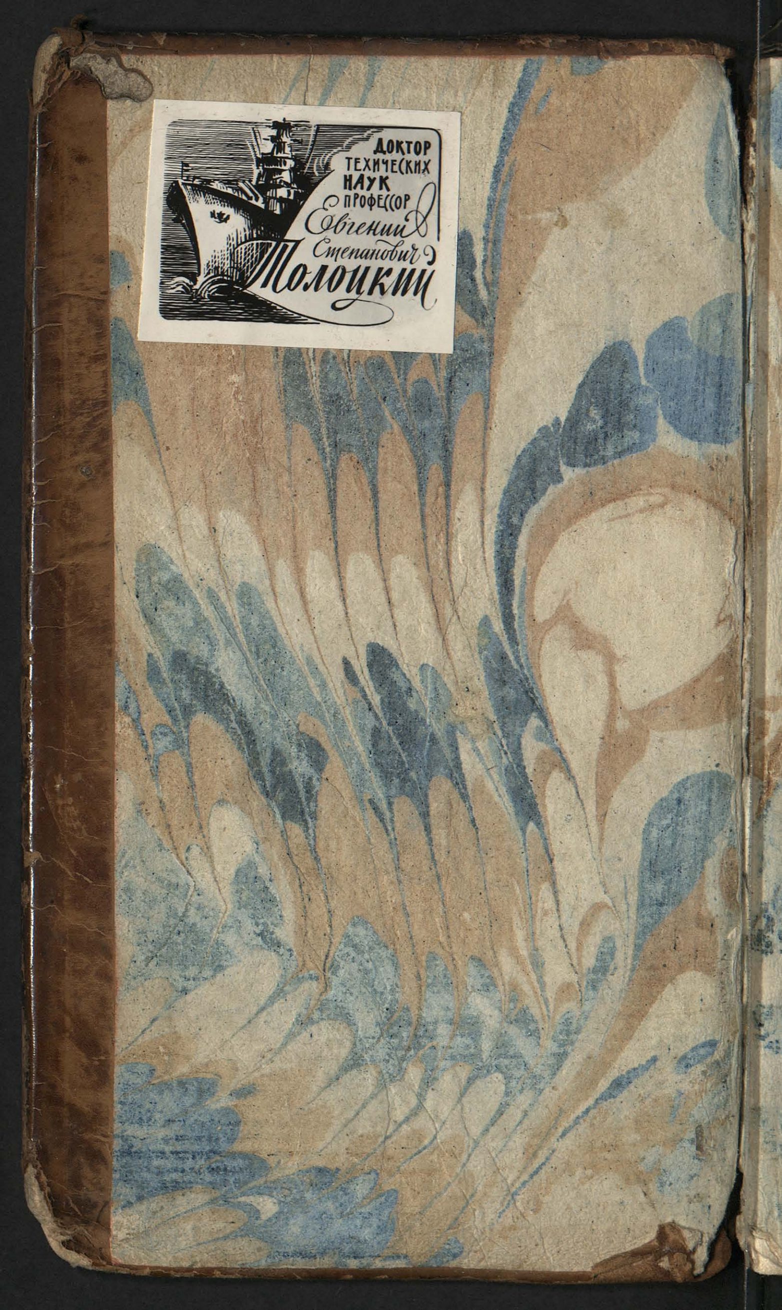
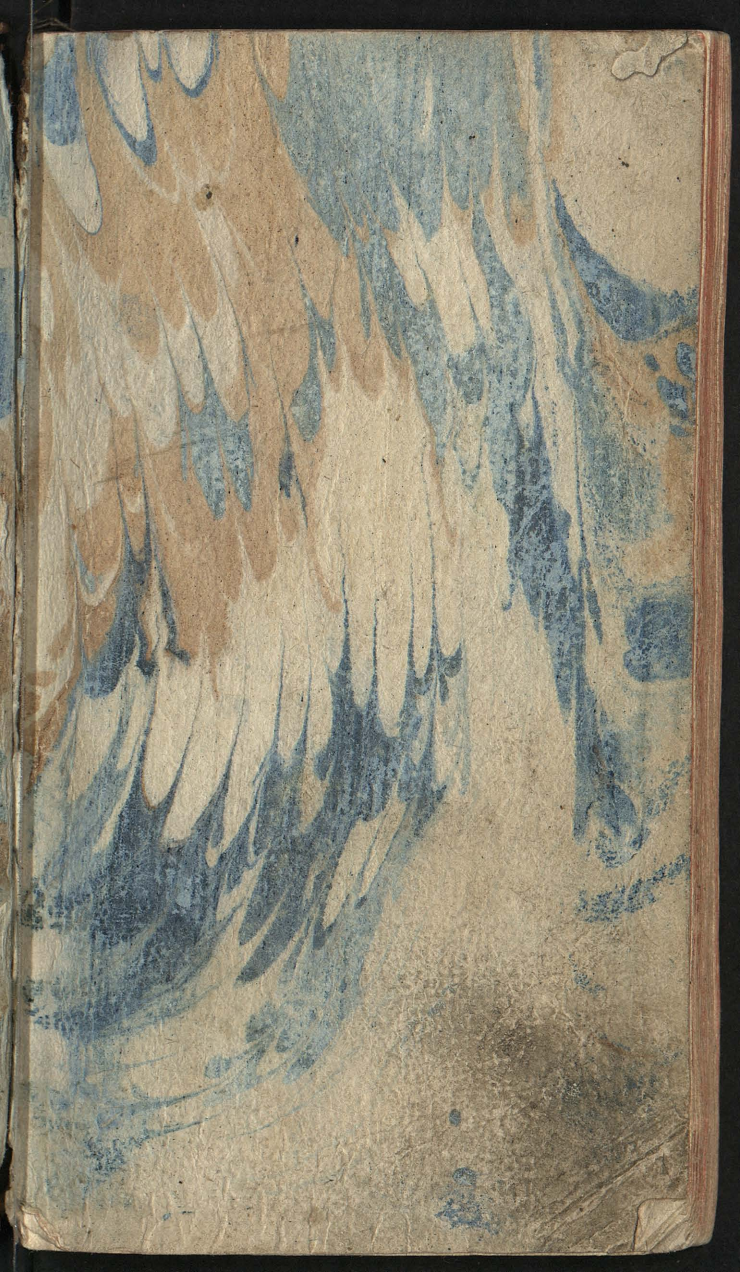
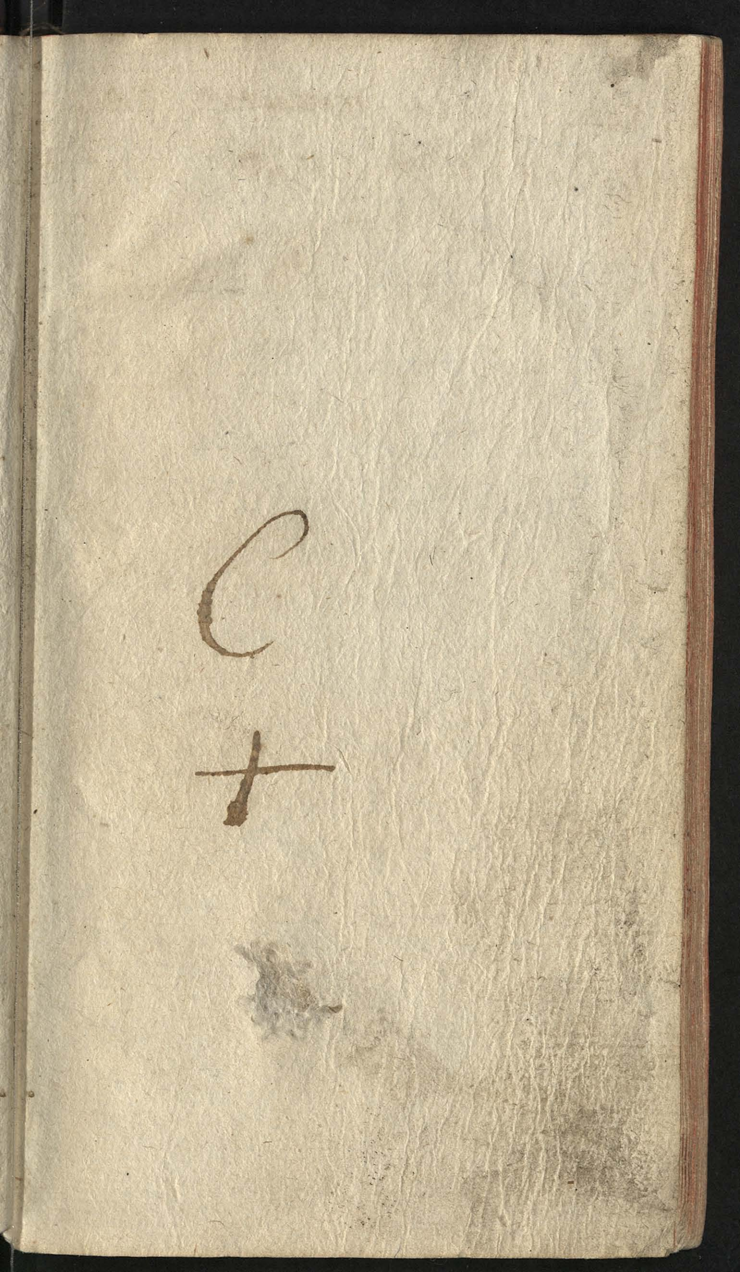



ДОКТОР
ТЕХИЧЕСКИХ
НАУК
ПРОФЕССОР
Евгений
Степанович
Толоцкий




C

Сія книга кнежни олги
гагариной цена 60



ГЕНРІЕТТА ДЕ-ВОЛЬМАРЪ,

или

МАТЬ РЕВНУЮЩАЯ

къ

СВОЕЙ ДОЧЕРѢ,

ИСТИННАЯ ПОВѢСТЬ,

Служащая послѣдованіемъ

къ новой Элоизѣ,

Господина Ж. Ж. Руссо.

Переведена съ Французскаго

въ Бѣжецкомъ уѣздѣ



ВЪ МОСКВѢ,

въ Университетской Типографіи, у

Н. Новикова, 1780 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ Генріетта де-Вольмаръ, или мать ревнующая къ своей дочерѣ, и не нашелъ въ ней ничего противнаго настапленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.





ГЕНРІЕТТА ДЕ-ВОЛЬМАРЪ ИЛИ МАТЬ РЕВНУЮЩАЯ КЪ СВОЕЙ ДОЧЕРѢ.

Господинъ де-Вольмаръ, служа довольное время съ великою славою своему отечеству и Государю, удалился наконецъ жить въ одну прекрасную деревню, которую купилъ на границахъ Піемонтскихъ.

Около десяти лѣтъ прилагалъ онъ всѣ возможныя силы къ пристойному воспитанію своей дочери, которая была единый нѣжный плодъ отъ его брака, хотя трудъ сей хотѣла принять на себя его супруга, женщина грубыхъ и звѣрскихъ свойствъ, и которая занималась почти безпрестанно игрою: но онъ ей въ томъ отказалъ.

Зная совершенно, сударыня, говорилъ въ одинъ день Г. де-Вольмаръ

своей супругѣ, коль драгоцѣнно есть юношеское время, и съ какою поспѣшностію надлежитъ онымъ пользоваться, я страшусь ввѣрить вамъ воспитаніе моей дочери; вы, утопая въ веселостяхъ своихъ, о ней вознерадѣете, не удостоите вашего напоминовенія, а едвали не предадите ее совершенному забвенію и я буду видѣть, что сіе младое насажденіе роститъ на невѣдомую удачу. Забавляйтесь сударыня, я вамъ не возпрепятствую и оставте меня въ покоѣ наслаждаться моимъ удовольствіемъ.

Госпожа де-Вольмаръ, зная повелительной нравъ своего супруга, ничего ему на то не отвѣчала, но съ той самой минуты молодую Генріетту, (такъ называлась ея дочь) смертельно возненавидѣла и сія ненависть, разженная ревностію, потомъ обратилась въ совершенное неистовство.

Я не могу никогда понять, какъ натура, толь чадолюбивая мать, вливающая въ наши сердца тайное побужденіе любить виновниковъ дней нашихъ, терпитъ, видя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ ихъ дѣтямъ чувствія симъ совсѣмъ противныя. Увы!

сколько

сколько тому видѣли примѣровъ и нынѣ всегда видятъ; какое множество есть несправедливыхъ родителей, которые, ничего не обожая кромѣ самихъ себя и своихъ, забавъ безчеловѣчно приносятъ себѣ въ жертву злополучные плоды своихъ браковъ, часто подъ нещастливѣйшими предзнаменованіями вершимыхъ! Однако я примѣтилъ, что такія чудовища, конечно всѣмъ ужасныя, находятся скорѣе между женщинами. Они имѣютъ особливыя склонности, естьли нѣкоторыхъ можно изключить, которыхъ побужденія въ сихъ не находится; на примѣръ: весьма рѣдкая женщина сноситъ терпеливо видя дочь свою прекраснѣе себя, когда сама хотя малою красотою кичится, что можетъ быть и есть знатнѣйшимъ источникомъ тысячи бѣдственнымъ произшествіямъ, всечасно предъ глазами сбывающимся.

Дѣвица де-Вольмаръ будетъ намъ образцомъ таковыхъ нещастныхъ жертвъ своенравія.

Она вступила на шестнатцатой годъ. Безприкладная красота, наистройнѣйшая талія, острота разума лѣта превосходящая и словомъ: совер-

шенство во всемъ дѣлало ее однимъ изъ превосходнѣйшихъ толь рѣдко естествомъ свѣту даруемыхъ творенiй! Нѣжной родитель Г. де-Вольмаръ обожалъ Генрiетту, видя свои наставленiя день отъ дня въ ней, почти, сверьхъ его чаянiя, преуспѣвающiя и поставлялъ за утѣшенiе и долгъ разпространять оныя далѣе.

Географiя, рисованье, поэзiя, были прелестныя и полезныя дарованiя, которыя онъ ей открылъ; также украсилъ ее разумъ частью философiи, или лучше, сказать сѣмена оной твердо въ нѣжномъ ея сердцѣ посѣялъ, но не схоластическимъ мудрствованiемъ, кроющимся въ нѣдрахъ училищъ и основаннымъ на длинныхъ, токмо безъ всякаго смысла терминахъ просвѣтитъ мысли ее тщился, ниже старался наставить Генрiетту въ той пагубной философiи, которая есть ужасной извергъ отъ заблужденiй Деистовъ и которою горделиво украшаются мнимыя наши острыя головы, но преподавалъ ей правила философiи нравоучительной, прiятной, самимъ естествомъ вдохновенной и утвержденной на здравомъ разсудкѣ.

Уже Г. де-Вольмаръ начиналъ питаться пріятностію плодовъ своихъ стараній, какъ вдругъ презлая болѣзнь приготовилась его похитить отъ сихъ увеселеній.

Весьма давно сталъ онъ часъ отъ часу приходить въ изнуряемую слабость и зналъ тому причину. Почувствовалъ приближеніе часа смерти, приказалъ позвать къ себѣ Генріетту: „Любезная моя дочь, говорилъ онъ „ей, я вижу, что конецъ жизни „моей близокъ и свирѣпой ударъ, пре„кращающій мои дни, произшелъ отъ „весьма дорогой для меня руки. Я „ей мое убивство прощаю; но ты „любезная дочь да будешь предводи„ма честію и добродѣтелію во „всѣхъ твоихъ предпріятіяхъ, не „имѣя другаго совѣтника, кромѣ „своего сердца, я вѣренъ, что оно „добродѣтельно„. Выговоривъ сіи послѣднія слова, онъ обнялъ свою дочь и испустилъ послѣднее дыханіе въ ея обьятіяхъ.

Генріетта плакала не утѣшно о потерѣ своего родителя; казалась, что она предчувствовала тѣ нещастія, которыя разить ее готовились.

часто повторяя ужасныя сiи слова: весьма дорогая для меня рука. Справедливое небо! она говорила, кого я принуждена подозрѣвать.

Въ самомъ дѣлѣ, госпожа де-Вольмаръ заразясь жестокою страстiю къ одному молодому кавалеру, которой съ нѣсколько времени навѣщалъ ихъ замокъ и вознамѣрившись за него вытти за мужъ, отравила супруга своего медленнодѣйствующимъ ядомъ, которой довелъ его на конецъ до гроба. Сiя отрава была изготовлена однимъ стряпчимъ, слѣпо ей во всемъ повиновавшимся.

Въ одинъ день Генрiетта, находясь въ бесѣдкѣ, сплетенной изъ зеленыхъ деревьевъ, стоявшей на краю сада и думая, что она тутъ безъ свидѣтелей предалася своимъ горѣстнымъ сѣтованiямъ Увы! дражайшiи родитель, она говорила возможноль статься, дабы злобная смерть исхитила тебя отъ моей горячности? Какiя плачевныя слѣдствiя изъ того для меня произтекутъ! Ахъ я бы была чрезмѣрно щастлива. . . . Матушка меня ненавидитъ: но чемъ я навела ея на себя негодованiе? Она на-

находя во мнѣ жертву самолюбію своему всегда готовую, кажется, что старается терзать мое сердце лютѣйшими муками. Звѣрское удовольствіе сверкаетъ въ глазахъ, когда ей удается причинить мнѣ какое нибудь огорченіе. Чѣмъ больше я ее люблю и почитаю чѣмъ, ревностнѣе тщусь предупреждать ея желанія, тѣмъ не снoснѣе для нее привязанность. Желала бы она съ радостію погасить въ моемъ сердцѣ дочернюю горячность, чувство природою влiянное и драгоцѣнной даръ отъ натуры, подобно какъ умѣла изъ своего изторгнуть чувствія матернія. . . . А ты, достойный предметъ моего пламени, ты, котораго и назвать не смѣю, для чего не въ состояніи читать въ моемъ сердцѣ? Увы! я горю, люблю безъ надежды; естьли бы вѣдалъ ты всю мою къ тебѣ страсть, то чувствую, чтобъ платилъ мнѣ любовію взаимно и нещастія мои оную бы въ твоемъ сердцѣ умножили. . . Я родилась для благополучія, но ужасное убійство лишаетъ меня его на вѣки. . .

Замолчавши, при сихъ словахъ она вынула портретъ, тайно его въ па-

зухѣ хранимой. Портретъ былъ Кавалера де Мельекура, тогожъ самаго, котораго обожала госпожа де-Вольмаръ и о которомъ я тотчасъ начну говорить. Генріетта сама его списала трепещущею рукою; приложила къ своимъ губамъ; потомъ отерши слёзы, пролившіяся изъ ея глазъ противъ воли готова ужъ была соединиться съ компаніею, которую она оставила.

Въ тотъ день въ замкѣ гостей было великое множество. Госпожа де-Вольмаръ по смерти своего супруга давала балъ обыкновенно три раза въ недѣлю; она ни о чемъ не помышляла, какъ токмо объ игрѣ и другихъ забавахъ, никогда о своей дочери не воспоминала, развѣ сыскивала чѣмъ ее огорчить.

Послѣ обѣда началась карточная игра и многія партіи составились. Генріетта всячески старалась оставаться лишнею, и употребя въ пользу то время, когда всѣ заняты были игрою, вышла въ садъ въ намѣреніи дать свободу печальнымъ своимъ размышленіямъ.

Кавалеръ де-Мельекуръ ѣзжалъ къ Г. де-Вольмаръ чаще всѣхъ, ея

знакомыхъ. Близкое разстоянie ихъ замковъ въ томъ ему способствовало. Возвратяся изъ Парижа, гдѣ упражнялся въ своихъ ученiяхъ, онъ жилъ съ годъ у своего отца, которой готовился ему купить роту солдатъ въ полку де-Б. . .

Сей молодой чеьовѣкъ къ знатному произхожению присовокуплялъ всѣ возможныя дарованiя; собою былъ прекасенъ, нравъ имѣлъ веселой. тонкой и забавной его разумъ видимъ былъ въ острыхъ и прiятныхъ шуткахъ, которыми онъ способенъ былъ развеселять компанiю, когда начинаетъ она становиться скушною отъ глубокихъ и важныхъ о какой нибудь вещи разсужденiяхъ, и проникая съ точностiю въ темнѣйшiя матерiи, открывалъ онъ истинну съ неподражаемою ясностiю.

Мельекуръ примѣченъ былъ молодою де-Вольмарою, которую онъ полюбилъ съ перваго взора, но не открывалъ еще своего сердца. Генрiетта плѣнилась имъ равномѣрно, и довольно могла примѣтить его любовное волненiе, желала, чтобъ онъ ей открылъ, однако тщательно убѣгала

гала случаевъ оставаться съ нимъ на единѣ. Онъ опасалася, дабы мать любви ихъ не примѣтила не для того, чтобъ кавалеръ де-Мельекуръ былъ не равная для нее партія, но была увѣрена, что Г. де-Вольмаръ въ одномъ видѣ ее оскорбитъ, запретилабъ ему къ ней ѣздить. Она видала своего полюбовника и была тѣмъ довольна.

Мельекуръ, вознамѣрившись наконецъ изъясниться Генріеттѣ, сыскалъ средство какъ и она въ тотъ день не играть въ карты, и не упуская ее изъ глазъ, слѣдовалъ за нею, увидя, что она вышла изъ своихъ покоевъ въ садъ, чего никакъ Генріетта не догадалась.

Скрывшись за дерево, онъ былъ свидѣтелемъ всея печали и разговора его обладательницы. Двашцать разъ покушался ей показаться, чтобъ изъяснить состояніе своего сердца и двашцать разъ застѣнчивость въ томъ ему воспящала. Истинная любовь всегда бываетъ сопряжена съ стыдливостію, горящіе таковымъ пламенемъ страшатся не скромнымъ признаніемъ своей страсти повредить честь обожаемой

мой красавицы: хотя такое признаніе есть весьма натурально.

Наши петиметры хохочутъ надъ стыдливостію любовниковъ: но наши петиметры бывалиль когда истинными любовниками? Ихъ сердца, удрученныя сластолюбіемъ, могутъ ли что чувствовать? Любовь, душевная страсть, есть не что иное у нихъ, какъ привычка, которая показавшись, глупостію прерывается. Они получая безпрепятственное удовольствіе своимъ желаніямъ, становятся наглыми, и наконецъ, до такого пункта безумія доходятъ, что поставляютъ за честь наполнять свои любовныя дѣла грубѣйшими поступками, и обезславливая женской полъ надѣются пріобрѣсть имя любовныхъ героевъ, или лучше сказать, безмозглыхъ вертопраховъ.

Лишь только дѣвица де-Вольмаръ дала знать своимъ горестнымъ разговоромъ, что страдала любовью, какъ вдругъ молодой де-Мелькуръ потерялъ робость; печальное сіе откровеніе пронзило его сердце. О небо! онъ вскричалъ, что я слышу! я имѣю соперника! Ахъ! Генріетта, возможно ли

но ли стараться, дабы молодое ваше сердце уже предалося? увы! Для чего я не знаю того изъ смертныхъ щастливаго, кто имъ обладаетъ, сïе бы желѣзо скоро у него оное исторгло.

Онъ готовъ былъ удалиться отъ того мѣста, гдѣ пребывала его обладательница и въ послѣдней разъ уже бросилъ на нее свой взоръ: но въ какоеже пришелъ состоянïе! Какая сладкая то для него была мина, когда увидѣлъ въ ея рукахъ свой портретъ, которой точно былъ его; онъ не могъ ошибиться. Въ туже минуту полетѣлъ пасть къ стопамъ своей Богини, приносилъ нѣжнѣйшïя обѣты своей страсти, просилъ со слезами упущенïя его чрезмѣрной смѣлости, открылъ, что ему свѣдома тайность ея сердца и заклинался что будетъ оную чтить свято. Генрïетта отъ ужаса оцепенѣвъ, оперлася на дерновое канапе: смертная блѣдность помрачила нѣжной ея румянецъ, она закрывъ прекрасныя свои глаза, упала въ сильной обморокъ.

Мельекуръ вставъ съ земли, предводительствуемъ почтенiемъ, распустилъ Генрiеттину шнуровку и помощiю спирта возвратилъ ей дыханiе, она испустя тяжелой вздохъ, пришла въ чувство.

Ахъ Кавалеръ! тебя ли, тебяли я это вижу! ты меня любишь! . . . Ты свѣдалъ мою тайну, я не скрою, что тебя люблю, мое сердце никогда лжи не знавало, которое всегда страшится. Но чего же ты требуешь? .. Ты печешься о моей жизни... Ахъ Мельекуръ! куда можетъ быть сiя драгоцѣнная для насъ минута, будетъ на конецъ пагубною! я ужасныя слѣдствiя предвижу отъ того! Ты знаешь Г. де-Вольмаръ: берегись, чтобъ она не примѣтила нашего согласiя: она проницательна; малѣйшее наше тѣлодвиженiе или страстной взоръ откроютъ ей оное и мы тогда погибнемъ. Я еще не знаю какую судьбину она мнѣ предопредѣляетъ, но какая бы то ни была я твоею, буду вѣчно.

Выговоривъ сiе, она отъ него поспѣшно удалилася: Мельекуръ хотѣлъ отвѣчать, но уже зрѣлъ ее входящую въ замокъ. Оцепенѣвъ, слѣдовалъ за нею

гла-

глазами, и едва могъ отойти отъ прекраснаго мѣста, которое она оставила, казалось, что онъ ее тутъ присутствующую еще видѣлъ.

Весьма странно покажется, что Генріетта открыла свою страсть, въ первой разъ услыша отъ своего обожателя, что онъ ее любитъ. Скажутъ, можноль дѣвицѣ безъ застѣнчивости говорить о своей нѣжности? Не обязана ли она чѣмъ благопристойности и цѣломудрію? О несносное предразсуденіе! Державный повелитель простолюдимовъ! доколѣ буду я видѣть курящійся твои жертвенники съ приношеніемъ драгоцѣннѣйшихъ жертвъ! Доколѣ пребудутъ слѣпы на ужасныя твои тиранства! Какъ, женщинамъ, имѣющимъ сердца склонныя къ тѣмъ же страстямъ, которымъ подвержены мущины, а можетъ еще и болѣе могуществу оныхъ покореннымъ, будетъ воспрещено, поставлено за порокъ наслаждаться одинакою вольностію съ ними? сего страшнаго закона, не въ состояніи снесть лютѣйшіи тиранъ.

Генріетта, воспитанная отцемъ философомъ и сама будучи такимъ же

не

не знала инаго говорить, какъ что думала: благополучны бы были смертные, естьлибъ ей подражали.

Игра кончилась въ пять часовъ по полудни и все собраніе выходило въ садъ прогуливаться. Мельекуръ поспѣшно вышелъ изъ уединеннаго того мѣста, въ которомъ находился опасаясь, что бы кто его, заставъ въ ономъ, не обременилъ какимъ веселымъ предложеніемъ и пошелъ по алеѣ, противолежащей той, гдѣ была вся компанія.

Вышедъ скоро изъ смятенія произшедшаго въ немъ отъ бывшаго свиданія онъ опять соединился съ собраніемъ, старался сыскать тутъ свою полюбовницу, но напрасно; она ушла въ покои, подъ видомъ нѣкотораго припадка, и ему не льзя было ее видѣть во весь остатокъ вечера, наконецъ, какъ всѣ гости стали разъѣжжаться Г. де-Вольмаръ дала знать Мельекуру, что бы онъ остался; симъ его несказанно потревожила; потомъ введя въ залъ говорила: мнѣ Г. кавалеръ для тебя предлагаютъ очень выгодную партію; это одну женщину хотя и потеряющую пріят-

ность своей молодости но которая еще здорова и можетъ похвалиться нѣкоторою красотою. Она получаетъ двадцать тысячь ливровъ годоваго дохода и имѣетъ только одну дочь, да и ту намѣрена постричь, какъ скоро свое супружество положитъ на мѣрѣ.

Громъ, свирѣпствующій надъ главою устрашеннаго путешественника, и разящіи каждую минуту предъ его глазами, не могъ бы столько того привесть въ отчаяніе, какъ сколько былъ тогда Мельекуръ пораженъ отъ сихъ словъ. Что вамъ сдѣлалось? что вы ничего не отвѣчаете? Спрашивала его г. де-Вольмаръ, развѣ предложеніе мое вамъ не нравится? Никакъ сударыня! отвѣчалъ Мельекуръ имѣвшій время оправиться и догадавшись, что она то про себя самою говорила, предлагаемая вами мнѣ партія нетолько, чтобъ была противна, но вмѣсто того еще весьма пріятна, и я щитаю себя чрезмѣрно щастливымъ, видя васъ пріемлющую въ томъ участіе, но я сударыня молодъ, да сверьхъ того завишу отъотца. . . . Какую слабую Кавалеръ предполагаешъ

ты мнѣ препону! естьли ты только согласенъ, то я беру ужѐ на себя уговорить твоего отца, къ дозволенію сего брака и свершить оной прежде осьми дней. Мельекуръ хотѣлъ отвѣчать, но лакеи пришедшіе съ кушаньемъ, въ томъ ему помѣшали.

Я надѣюсь г. кавалеръ, сказала г. де Волмаръ возвыся свой голосъ, что вы сдѣлаете мнѣ одолженіе: откушаете со мною. . . Съ радостію отвѣчалъ Мельекуръ, и они сѣли ужинать.

Г. Де-Вольмаръ оставшись съ нимъ за столомъ одна сказала: я щитаю за не нужное кавалеръ долѣе съ тобою притворяться. Та женщина, о которой я тебѣ сказывала, есмь я сама. Моя дочь мнѣ противна съ своею глупою Философіею и я положила ее збыть съ рукъ, во что бы то нестало. Она осмѣливаласъ меня ругать при покойномъ своемъ отцѣ, то пусть теперь восчувствуетъ, какъ велики мои надъ нею права. . . Какъ сударыня! устремительно прервалъ ей рѣчь Мельекуръ не ужѐ ли дѣвица де-Вольмаръ могла когда о вашей надъ нею власти сумнѣваться. Тихость ея нра-

ва запрещаетъ оней то думать. Вы конечно надъ нею имѣете ваши права и они основаны на всемъ, что есть священнѣйшаго въ свѣтѣ. Однако Государи да и самъ Богъ снабжаетъ ими отцовъ и матерей, токмо для доставленія чадамъ ихъ благополучія. Какое это варварство, когда мы употребляемъ наше могущество на ввержение другихъ въ нещастіе. Заперевши въ монастырь вашу дочь можетъ быть сдѣлаете вы ее найщастливѣйшею изъ смертныхъ. Что въ состояніи быть свирѣпѣе, когда насъ противъ воли заточаютъ въ такія мѣста, кои мы почитаемъ за страшныя темницы. Отчаяніе и бѣшенство послѣдуетъ за тою минутою, въ которую оное свершится, и сто тысячь разъ проклинаемъ виновниковъ нашего нещастія. Наконецъ Мелькуръ примѣтя, что съ излишнею горячностію вступился за Генріетту, и опасаясь, дабы не подать подозрѣнія той, кого ему больше всѣхъ было надобности провести, сказалъ ей, я согласенъ сударыня! на предлагаемое вами, естьли только сіе не будетъ стоить дѣвицы де-Вольмаръ, а въ

про-

противномЪ случаЪ никогда кЪ тому не приступлю. Послушайте сударыня! натуры, извѣдайте напередЪ склонности вашей дочери; потомЪ жертвую своимЪ неудовольствіемЪ, естьли она когда могла быть оному причиною, одарите ее желаемымЪ благополучіемЪ, вЪ свое отмщеніе.

Госпожа де-ВольмарЪ слушавшая сЪ неописанною нетерпѣливостію Мельекура, и едва могшая ударжаться, чтобЪ не изъявить всей своей ярости, тотчасЪ перемѣнила разговорЪ; потомЪ посидя сЪ четверть часа встала изЪ за стола, а МельекурЪ обѣщавЪ кЪ ней быть на другой день, поѣхалЪ домой.

Мнѣ невозможно болѣе сумнѣваться, говорила г. де-ВольмарЪ, оставшись одна; конечно не благодарной любитЪ мою дочь; онЪ для того только притворился быть согласнымЪ на предложенное мною ему супружество, дабы тѣмЪ удобнѣе меня обмануть. Нельзя столь горячо вступиться за выгоды такого человѣка, кЪ которому ощущаетЪ токмо одно дружество. Сіе подобно льду, но любовь вся пламенная. АхЪ непотребный!

ный! вы любите другъ друга, однако бойтесь моей ярости, страшитесь презрѣнной любовницы, имѣющей надъ вами власть совершенную.

Пылая гнѣвомъ она прохаживалась по горницѣ скорыми стопами. На конецъ легла въ постелю; Однако не столько для сна, какъ чтобы удобнѣе выдумать средства къ ихъ погубленію.

Дѣвица де-Вольмаръ въ слѣдующее утро пришла навѣстить свою мать почти въ семь часовъ. Сію должность она тщательно всегда исправляла. Ты встала очень не поздо, сказала ей г. де-Вольмаръ, конечно твой вчерашній припадокъ скоро миновался. Да, милостивая Государыня! она отвѣчала; (ибо ей запрещено было употреблять слово: матушка: безъ сомнѣнія сія мачиха стыдилась слыша себя называемою толь нѣжнымъ именемъ, котораго весьма мало стоила:) болѣзнь моя была самая легкая, и я нахожусь теперь гораздо лучше. . . Я тому чрезмѣрно радуюсь, отвѣчала Г. де-Волмаръ; потомъ приказала ей себя оставить и притти чрезъ часъ.

Та-

Такое повеленіе навело Генріеттѣ не малое безпокойство: ибо она прежде сего никогда не приходила къ матери своей, какъ къ обѣду, да и то рѣдко, или когда бывали гости. За чѣмъ я ей надобна, говорила вышедши Генріетта? Не уже ли Мельекуръ, ужиная вчерась съ нею, самъ себѣ измѣнилъ, и матушка свѣдала нашу тайность? . . . Праведное небо. . . . Между тѣмъ какъ она была въ семъ нестроеніи Г. де-Вальмаръ по нее прислала.

Она размысливъ довольно о жестокомъ своемъ предпріятіи, вознамѣрилась употребить лукавство. Притворимся, говорила она сама себѣ; Генріетта искренна, я вывѣдавъ изъ нее все, буду располагать по тому свои мысли.

Подойдите ко мнѣ сударыня! сказала она, увидя Генріетту вошедшую, которая поспѣшила исполнить ея приказаніе, я имѣю надобность съ вами поговорить: видя васъ въ довольномъ возрастѣ и такихъ лѣтъ, что уже можете себѣ избрать какое нибудь состояніе жизни. Мнѣ кажется, супружество вамъ будетъ выгод-

ною участію, естьли оное вамъ не противно. Откройте; я готова вамъ дозволить. Милостивая государыня! отвѣчала Генріетта, предлагаемое вами мнѣ дѣло требуетъ разсужденія: я васъ прошу сударыня! дать мнѣ нѣсколько времени о томъ подумать и по крайней мѣрѣ, чтобъ знала я, мнѣ предопредѣляемой предметъ. . . Нѣтъ: сказала г. де-Вельмаръ, тебѣ должно рѣшиться сей часъ, или не то: готовься чрезъ двои сутки ѣхать въ монастырь. Мнѣ нравится молодой человѣкъ, котораго я тебѣ назначила, то кажется и того уже довольно, чтобъ онъ не получилъ отъ тебя отказа. Молодой де-Мельежуръ, продолжала она: такъ же знашенъ природою, какъ и ты, и хотя онъ не столько богатъ, однако получилъ отъ своей матери довольно честной достатокъ, а отецъ имѣетъ только его одного.

Услыша имя своего обожателя, Генріетта встрепенулась; прекрасное ея лице покрылось живымъ румянцомъ. Хотя она тотъ же часъ и оправилась, но старая де-Вольмаръ, не спускавшая съ нее глазъ уже при-

мѣтила ея смущеніе: однако не показавъ нималой перемѣны, продолжала свою рѣчь одинакимъ тономъ: ну сударыня! на что же вы себя определяете? .. На то, милостивая государыня! что для васъ угоднѣе. Я почитаю вашу волю за уставъ, которому повиноваться всегда готова съ почтеніемъ. Генріетта хотѣла броситься облобызать колѣна своей метери; но свирѣпой сей взглядъ, показалъ ясно, что она обманулась, и что сія хитросшь употреблена для извѣданія ея тайны, которую, оказавшейся восторгъ, услыша имя Мельекурово, почти всю открылъ. Она впала въ прежестокое смятеніе; а г. де-Вольмаръ едва могшая обуздать свое яростное стремленіе приказала ей возвратиться къ себѣ въ горницу.

Между тѣмъ Мельекуръ, проводилъ самую жесточайшую ночь. Ужасныя сновидѣнія его терзали. Онъ имѣвъ голову безпрестанно занятую мыслями о своей Генріеттѣ, видѣлъ ея, изхищенную изъ своихъ объятій и увозимую въ монастырь, для окончанія въ ономъ остатокъ бѣдственной

ной ея жизни. Два раза вооруженною рукою изторгалъ ее изъ рукъ безчеловѣчныхъ исполнителей варварскаго мщенія, и два раза уступалъ побѣдѣ. Проснувшись отъ сего страшнаго сна, онъ произносилъ горестнѣйшія жалобы и сѣтованія.

Вѣрной его слуга Ривьеръ, спавшій въ боковой горницѣ, тотчасъ къ нему прибѣжалъ. Спрашивалъ, что съ нимъ здѣлалось? . . Ничего, дорогой Ривьеръ. Батюшка всталъ ли? . . Нѣтъ, сударь; еще только пять часовъ. . . Тѣмъ лучше, говорилъ Мельекуръ: мы съ тобою пойдемъ за охотою; потомъ сталъ поспѣшно одѣваться. Ривьеръ *такъ же* не мѣшкавъ; и они взявъ по ружью, отправились въ полѣ.

Идучи довольное время не чувствительно подошли къ самому замку г. де-Вольмаръ. Мельекуръ, увидя его, остановился. Не знаю, что за не благополучное предзнаменованіе удерживало его войти съ звѣринецъ. Раза съ три обойдя вкругъ онъ пошелъ было уже домой какъ вдругъ нечаянно увидѣлъ Генріетту, сидящую подлѣ окна, которая облокотив-

тившись на оное показалась ему въ глубокихъ размышленіяхъ, онъ бросилъ оное ружье и не взирая, не слѣдуетъ ли кто за нимъ, или не видитъ ли его, кто полетѣлъ въ горницу своей обладательницы, и ставъ передъ нею на колѣни, спрашивалъ: что здѣлалось съ вами сударыня? Ахъ! я потерялъ васъ на вѣки. Разженъ будучи любовью, я вчерась защищалъ васъ противъ матушки вашей съ излишнимъ жаромъ. Г. де-Вольмаръ жертвовала вами бракосочетанію, которое она мнѣ съ собою предлагала; то видя васъ похищаему отъ моей любви, и готову быть скрытой на всегда отъ моего зрѣнія, могъ ли я молчать? Я ей наконецъ обѣщалъ перемѣнить мысли, и согласиться на такой бракъ, котораго ужасаюсь; она потомъ перемѣнила свой разговоръ, и мы расстались весьма холодно. Я болѣе не сумнѣваюсь, что тайна наша ей свѣдома; ибо ваше состояніе мнѣ гораздо то подтверждаетъ.

Ахъ! Мелькуръ, отвѣчала Генріетта, съ какою невѣроятною хитростію она меня нынѣшнее утро

обма-

обманула! предложила мнѣ выйтти за мужъ; но за кого бы ты думалъ? За тебя дорогой по любовникъ. Представь мое удивленіе. Я измѣнилась въ лицѣ отъ смущенія, хотѣла броситься въ ея объятіи и открыть состояніе моей души, но звѣрской взоръ, которымъ она меня сразила, показалъ мнѣ ужѐ поздно разставленныя къ моему уловленію сѣти. Приказавъ потомъ мнѣ отъ себя выитти, она осталась кажется, съ видомъ толь же свѣдомымъ, хотябъ я ей ужѐ во всемъ призналась.

Смущенное состояніе, въ которомъ былъ Мельекуръ, и въ какомъ она сама находилась, не дозволило ей спросить у него напередъ, какимъ онъ случаемъ очутился въ ея комнатѣ, и помыслить, какой опасности онъ ее подвергнетъ, естьли ихъ вмѣстѣ застанутъ. Успокоившись не много, приготовилась она ему учинить за то выговоръ; какъ вдругъ г. де-Вольмаръ вбѣжала въ двери, и застала Мельекура, сидящаго подлѣ своей дочери, цѣловавшаго ея руку. Пусть представятъ себѣ ужасъ нашихъ любовниковъ, и вообразятъ сію

дышащую злобою адскою Фурїю. Ярость прерывала ея голосъ; она отъ сильнаго стремленія гнѣва не могла промолвить. Любовники оцепѣневъ не смѣли поднять на нее ихъ взора: хотя и не имѣли чѣмъ себя укорять, но невинность страшится и самой тѣни порока. Они подали причину къ подозрѣнію, то сего уже было довольно ихъ привесть въ замѣшательство!

Въ томъ то состоитъ, бездѣльница! твоя Философія? Закричала наконецъ г. де-*Вольмаръ*. Покрывая видомъ цѣломудрія, хочешь тѣмъ затьмить свои непотребства, стыдъ и безчестіе тобою мнѣ нанесенные... А ты безстыдной лицемѣръ! беги отъ селъ, ты обязанъ только одному знатному твоему рожденію, котораго недостоинъ, чтобы не обмывать въ твоей крови безчестія, коимъ ты меня покрываешь; но я умѣю за то тебѣ отмстить.

Мельекуръ сидѣвшій подлѣ Генріетты находившейся въ жестокомъ обморокѣ всталъ при сихъ словахъ и позабывъ печальное положеніе своей полюбовницы, хотѣлъ ее оправдать

возлагая всю вину на себя. Онъ говорилъ, но г. де Вольмаръ не слушала его словъ. Она страшнымъ голосомъ кликала своихъ людей; на сей крикъ тотчасъ три лакея взбѣжали. Вытолкайте сего урода отсюда, сказала они имъ, указывая на Кавалера. Мельекуръ видя сихъ людей готовыхъ къ исполненію приказанія своея госпожи. Стойте, закричалъ имъ, выхватя свой охотничей ножикъ, бойтесь моей ярости; или сіе желѣзо пронзетъ того безумнаго, которой осмѣлится ко мнѣ подойти. Я желаю только произнесть одни слова, но госпожа отказываетъ выслушать мое оправданіе. Полагаясь на пустое подозрѣніе, она теряетъ свою дочь... Лакеи ободряемые взорами своей госпожи, и не взирая на угрозы Мельекуровы, бросились всѣ трое на него; изъ которыхъ онъ одного поранилъ, и хотѣвъ избѣжать отъ ихъ рукъ прыгнулъ назадъ не зацѣпившись упалъ; сіи варвары тотчасъ его обезоружили, и прибивъ до безпамятства снесли потаенно вонъ изъ зверинца.

Дѣвица де-Вольмаръ еще не опамятовавшись отъ своего обморока ни

мало

мало не слыхала ужаснаго сего происшествія. . . Г. де-Вольмаръ видя унесеннаго Кавалера тотчасъ покинула свою рѣчь, безъ всякаго сожалѣнія. . . Генріетта разкрывъ глаза нашла себя въ горницѣ уже одну. И увидя подлѣ себя переломленной охотничей ножикъ и пролитую кровь, пришла въ такое состояніе, которое легко вообразить, нежели описать.

Что сдѣлалось съ тобою, дорогой полюбовникъ! она говорила проливая потоки слезъ. Не твою ли вижу здѣсь кровь? Не уже ли матушка. . . Я не смѣю назвать ее варваркою, ибо обязана моимъ къ ней почтеніемъ. . . . Могла употребить злобное насильство, дабы тебя удалить отъ сихъ мѣстъ? Ахъ! я не могу снесть сего ужаснаго воображенія. . . Межетъ быть ты въ сію минуту, ударами пронзенный, испускаешъ послѣднее дыханіе. . . Моя смертъ послѣдуетъ за твоею. . . Увы! могуль я тебя пережить? Могули питаться тѣмъ воздухомъ, которой ты со мною дѣлить не будешь? О любовь! какой злополучный рокъ ты

мнѣ

мнѣ впредь опредѣляешь, когда первая минута, въ которую горю твоимъ пламенемъ. означивается толикими плачевными приключеніями!

Г: де-Вольмаръ не долго дала пребыть дочери своей въ сихъ размышленіяхъ. Она тѣмъ краткимъ временемъ, какъ оставила ее одну, успѣла приказать изготовить почтовую коляску. Вошедши къ Генріеттѣ: поди за мною сударыня! сказала она ей, бросивъ взглядъ исполненной ярости; поѣжжай оплакивать на всегда мое безславіе; а свое беззаконіе. Генріетта услыша сіе слѣдовала безмолвно за нею въ коляску.

Во время двухъ дневной ихъ ѣзды, они ничего другъ съ другомъ не говорили. Генріетта испускала глубокіе вздохи, проливала ручьи слезъ, которые безъ сомнѣнія только ожесточали и возбуждали на ярость свирѣпую ея мать. Ибо сердце, не внемлющее воплю естества, можетъ ли быть склонно къ жалости?

Они пріѣхали на конецъ въ *Л..*: и не останавливаясь ни гдѣ вылезли изъ коляски у самаго того монастыря, въ которомъ Генріетта имѣла за-

заключиться. Г. де-Вольмаръ велѣла позвать настоятельницу. Сія пошептавши около минуты съ нею повела тотчасъ съ видомъ исполненнымъ благоговѣнія, нещастную жертву ей порученную, во внутренность монастыря.

Договоръ скоро былъ свершенъ. Г. де-Вольмаръ рѣшила въ двухъ словахъ зачавшееся дѣло, и обѣщала пятьнатцать тысячь франковъ вкладу за свою дочь, изъ которыхъ двѣ тысячи дала въ задатокъ.

Она ничего не сказала Генріеттѣ, когда ее съ нею разлучили; потомъ и домой поѣхавши не простилась съ дочерью, оставя ее снѣдаемую горестію, а можетъ быть самимъ отчаяніемъ.

Мельекуръ былъ въ обморокѣ болѣе часа. Очнувшись увидѣлъ Риввера стоящаго подлѣ себя, котораго спрашивалъ: не знаетъ ли онъ, что здѣлалось съ Генріеттою. . . Съ дѣвицею де-Вольмаръ, отвѣчалъ Ривверъ. . . Да. . . Ахъ! сударь, я видѣлъ выѣхавшую коляску изъ зáмка; г. де-Вольмаръ, и ея дочь. . . . Не продолжай. О небо! ахъ тиранка! ты

 похи-

похитила все то, что я обожаю! Генріетта! зиждитель мой! но что помогутъ мои жалобы? . . Я пылаю яростію дорогой Ривьеръ продолжалъ онъ, пособи мнѣ, поспѣши изторгнуть мою обладательницу изъ варварскихъ рукъ ея палача.

У нихъ не было лошадей, а коляска ужѐ проѣхала предъ тѣмъ за часъ. Мельекуръ приходилъ въ отчаяніе. Ривьеръ, не смѣвшей явно противиться предпріятію своего господина совѣтовалъ ему возвратиться домой къ отцу, которому надобно было въ тотъ день ѣхать въ С. . . Не большой близъ лежащей городокъ. . . Намъ можно будетъ, говорилъ онъ въ отсудствіе вашего батюшки осѣдлать лошадей и исполнить предпріятіе ваше. Мельекуръ долго не принималъ сего предложенія; на конецъ согласился, и они пошли въ путь.

Отъ чрезвычайной усталости и сильныхъ движеній гнѣва, Мельекуръ получилъ прежестокую лихорадку. Онъ таялъ отъ снѣдающаго огня, которой въ немъ произвела разгорячившаяся въ жилахъ кровь: прибывши

къ себѣ почувствовалъ, что изъ всего его тѣла выступилъ холодной потъ, и онъ наконецъ такъ занемогъ, что наведя всѣмъ опасеніе о своей жизни, былъ положенъ въ постелю.

Старой де-Мельекуръ еще тогда не уѣхалъ услыша объ опасномъ состояніи Кавалера, тотчасъ къ нему побѣжалъ въ спальню. Сей нѣжной отецъ, имѣвшей сердце раздираемое прискорбіемъ, на силу могъ спросить своего сына, отъ чего онъ пришелъ въ такое печальное положеніе, но не получивъ отвѣта отъ молодаго де-Мельекура, которой давалъ знакъ мановеніемъ, чтобъ его оставили и дали бы успокоиться. Онъ отъ него вышелъ приказавъ послать за докторомъ.

Потомъ кликнулъ къ себѣ Ривьера: другъ мой сказалъ онъ ему, пожалуй скажи, что здѣлалось съ моимъ сыномъ? Ты его не покидалъ; выведи меня изъ ужаснаго моего недоумѣнія. . . Я вамъ все то обьявлю, милостивой государь, что знаю отвѣчалъ Ривьеръ и разсказалъ подробно бывшее съ ними произшествіе. Ахъ я не могу болѣе сумнѣваться, вскри-

чалъ сей безщастной отецъ: Мельекуръ любитъ дѣвицу де-Вольмаръ. Онъ конечно потаилъ свою страсть отъ ея матери, которая про то свѣдала. Сія гордая женщина можетъ быть заставши ихъ вмѣстѣ употребила всѣ силы къ своему отмщенію. Въ самое сіе его нестроеніе пріѣхалъ докторъ: онъ самъ его провелъ къ своему сыну. Г. Луазо, (такъ называли доктора, нашедши пульсъ больнаго въ чрезвычайномъ движеніи, приказалъ ему бросить кровь; что и исполнено было потомъ чрезъ часъ.

Кавалеръ всечастно спрашивалъ о дорогой своей Генріеттѣ, но ни отъ кого не могъ получить о ней извѣстія. Ривьеръ видя его день отъ дня слабѣющаго, вздумалъ сплѣсти ложную исторію, которая даровала ему облегченіе. Милостивой государь, сказалъ онъ Мельекуру, однимъ однемъ, (сей день былъ осьмой его болѣзни, и онъ находился не много получше,) я вчерась проходя близко замка Г. де-Вольмаръ, увидѣлъ ея дочь, прогуливающуюся по звѣринцу, къ которой тотчасъ подошелъ и далъ знать, что я принадлежу вамъ, она спра-

спрашивала меня про васъ. Я сказалъ ей, что вы больны уже восемь дней. Услышавъ сіе измѣнилась въ лицѣ, и дѣлала мнѣ тысячу вопросовъ, на которые я ей отвѣчалъ; потомъ вынувши записную книжку написала письмецо, и подавая мнѣ его сказала: отнеси это письмо къ своему господину, но не отдавай ему прежде нежели онъ оправится въ своемъ здоровьѣ. Я позволяю тебѣ сказать, что имѣешь отъ меня къ нему письмо, но запрещаю его вручать прежде назначеннаго мною срока. Какъ ни покажется неистова такая басня но она произвела желаемое дѣйствіе.

Правда ли это, вскричалъ Мельекуръ! дорогой Ривьеръ, что имѣешь ты письмо отъ Генріетты! и что она въ замкѣ ея матери! . . . Не ложъ ли это? . . Нѣтъ сударь, положитесь на меня, успокойтесь, выздоровейте поскорѣе, тогда всѣ ваши желанія свершатся.

Когда причина однажды прійдетъ въ забвѣніе, то и самое дѣло, скоро минется. Мельекуръ въ три дни получилъ хотя не совершенное здоровье, однако такое, какъ только

можно было желать послѣ лихорадки продолжавшейся восемь дней почти безпрестанно. Въ четвертой день своего облегченія онъ требовалъ у Ривьера письма отъ дорогой своей Генріетты; сей тотчасъ въ томъ ему отказалъ и просилъ дабы его не принуждать преступить даннаго ему приказанія. Кавалеръ бывъ нѣжнымъ и почтительнымъ любовникомъ, не смѣлъ болѣе понуждать Ривьера и ожидалъ съ терпѣніемъ совершеннаго своего выздоравленія. Скоро онъ то получилъ; ибо въ восемь дней по прервавшейся лихорадкѣ сдѣлался такъ же здоровъ, какъ будто бы никогда боленъ небывалъ. Тогда то ужѐ молодой де-Мельекуръ сталъ принуждать своего камердинера, что бы ему отдалъ сіе письмо. Ривьеръ не сыскивая болѣе причины продолжить далѣе свою отсрочку, нашелся принужденнымъ признаться въ своемъ обманѣ; видя васъ при крайности, говорилъ онъ своему господину, думалъ, что мнѣ все дозволено употребить къ спасенію вашей жизни. Такъ ты не видалъ Генріетты, спрашивалъ его Мельекуръ, посмотря на него долго въ молчаніи.

Ахъ!

Ахъ! злодѣй, за что ты меня такъ обманулъ? Но не думай меня избавить отъ смерти недостойнымъ твоимъ вымысломъ; я желаю не отмѣнно вѣдать, и узнаю во чтобъ то ни стало судьбину моей полюбовницы, или лишусь жизни, которая мнѣ безъ нее противна.

Старой де-Мельекуръ слышавшей сей разговоръ, изъ боковой горьницы, вошелъ къ нимъ въ сей часъ. Ахъ! любезный сынъ, сказалъ онъ, какое пріемлешь ты предпріятіе? Какъ! прискорбіе, потерявъ свою полюбовницу, можетъ тебя принудить покуситься на свой животъ? Ахъ! властенъ ли ты разпредѣлять своею жизнію, по твоей волѣ? Не одному ли принадлежитъ она, владычествующему надъ нами Государю? Каждой подданной ему обязанъ своею кровію. Естьли тебѣ жизнь наскучила, то поди прекрати оную въ защищеніи, въ отмщеніи своего отечества. Тамъ то похвально жертвовать собою. Я тогда буду въ прискорбіи моего духа благословлять, причину лишившую меня дражайшаго въ свѣтѣ сокровища. . . Ахъ! батюшка, когда бы вы

знали. . . Тѣмъ болѣе вижу въ тебѣ слабости, прервалъ устремительно его отецъ, которая мнѣ не нравится. Естьли та, которую ты обожаешь такова же, какъ мнѣ всегда казалась, то я увѣренъ, что бы она похулила твои безмѣрныя печальныя сѣтованія и грусть, и ты бы любовь свою къ ней умѣрилъ. Я неосуждаю любовной нѣжности: но кто господинъ своимъ страстямъ, тотъ стремится къ величайшимъ предпріятіямъ; находящейся же подъ властію слабобостей своихъ, есть ничто иное, какъ не годной предмѣтъ презрѣнія, и человѣкъ тогда становится гнуснымъ и подобнымъ скоту.

Молодой де-Мельекуръ былъ отъ сихъ словъ въ восхищеніи. Да, дражайшій родитель, говорилъ, я съ горячностію пріемлю участь вами мнѣ предлагаемую. И естьли вы постараетесь за меня у г. де-Вольмаръ, равномѣрно, какъ я буду служить моему Государю, тогда мы оба пребудемъ довольны. Не отрицаясь любьви, презираю я навсегда ея слабости. Я постараюсь сдѣлаться достойнымъ какъ васъ, такъ и той, которую обожаю

или

или умру въ исполненіи должности. Старой де-Мельекуръ со слезами обнявъ своего сына, обѣщалъ исполнить его требованія.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило въ Мельекуровомъ замкѣ. Г. де-Вольмаръ возвратясь въ свой, жила въ ономъ двѣ недѣли не видавъ никого, проводя время въ выдумываніи средствъ къ довершенію своего яростнаго мщенія. Заключивъ Генріетту въ монастырь, она была тѣмъ только довольна въ половину, но еще желала и кавалера достать себѣ въ жертву.

Находился въ сей странѣ одинъ молодой человѣкъ пріѣхавшей, проводить нѣсколько времени у своего пріятеля, по дружбѣ котораго бывши познакомленъ съ Г. де-Вольмаръ, страстно въ оную влюбился и старался внушить ей взаимную страсть. Онъ былъ благородняго поколѣнія изъ провинціи Дофине. Проигравши большую часть своего имѣнія содержалъ себя кошельками своихъ пріятелей. Г. де-Вольмаръ его полюбила, и вознамѣрилась совокупиться съ нимъ бракомъ только бы онъ исполнилъ ее

мщеніе. Она для сей причины просила его къ себѣ чрезъ письмо и онъ къ ней на другой день очень рано пріѣхалъ.

Посадя своего гостя, государь мой, она ему сказала: я довольно примѣтить могла, естьли не ошибаюсь, изъ вашихъ ко мнѣ услугъ, что вы имѣете въ разсужденіи меня какія нибудь требованіи. То отъ васъ самихъ зависитъ ихъ получить. Моя дочь увѣзенная однимъ молодымъ человѣкомъ, которой конечно ее прельстивъ обезчестилъ. Возбуждаетъ во мнѣ желаніе за нее отмстить. И я буду въ состояніи сіе исполнить когда вы удостоите меня своимъ вспоможеніемъ, я готова дать вамъ мою руку за то въ награжденіе, угодно ли вамъ? . . Я согласенъ сударыня, отвѣчалъ онъ; изволите токмо приказать, то увидите скоро меня, кровь непріятеля вашего проливающаго или самаго издыхающаго отъ его ударовъ. Скажите мнѣ, кто онъ таковъ, я тотчась поѣду. Ты безъ сумнѣнія удивишся, отвѣчала Г. де-Вольмаръ, когда я назову тебѣ сего подлаго похитителя. Это Кавалеръ.

лерЪ. . . КакЪ, КавалерЪ, сударыня? . .
ТакЪ онЪ точно. Сыскавъ дочери моей безопасное убѣжище, возвратился кЪ своему отцу для удобнѣйшаго прикрытія своего нейстоваго дѣла. . .
Но законы. . . АхЪ! дорогой мой, я бы скорѣе всего кЪ нимЪ прибѣгнула, когда бы были свидѣтели. Я напрасно старалась развѣдывать, не имѣлЪ ли кто о томЪ свѣденія, но ни отЪ кого немогла получить малѣйшаго извѣстія. Сего ради теперь мнѣ не осталось иного дѣлать, какЪ самой учинить отмщеніе, или по крайней мѣрѣ подкрѣплять ту руку, которая будетЪ за меня мстить. Я вашу, г. мой, избрала, еще повторяю вамЪ, за что вЪ знакЪ моей чувствительности предамЪ себя самое и все свое богатство кЪ вашимЪ услугамЪ. ДормонЪ, (такЪ называли сего дворянина,) обѣщавЪ ей, на другой день весьма рано итти искать ихЪ общаго непріятеля, возвратился домой.

Г. де-ВольмарЪ разставшись сЪ нимЪ препроводила весьма спокойную ночь, чего она ужѐ давно не вкушала. Надежда, скоро видѣть довершенное свое мщеніе, утушила на нѣсколько

сколько часовъ гордую и безчеловѣчную ея душу.

Солнышко едва еще начинало позлащать блескомъ своимъ вершины горъ, когда Дормонъ отправился искать Кавалера. Онъ зашелъ напередъ къ Г. де-Вольмаръ, которая ужѐ встала. Она увидѣвъ его, что же? Вскричала, мой дорогой. . . Я бѣгу туда теперь же сударыня, отвѣчалъ Дормонъ. Г. де-Вольмаръ, бросилась къ нему на шею и обнимала его съ восхищеніемъ; кажется, что она желала соединить свою душу съ Дормоновою, дабы тѣмъ болѣе его воспламенить. Не нужно ему сіе было; понеже любовь одушевляемая надеждою, возжигаетъ въ сердцахъ нашихъ и безъ того сильной огонь. Вотъ, каковы люди! находясь раболѣпными невольниками опаснаго пола, они жертвуютъ дружествомъ, да и самою натурою слѣпой ихъ страсти. Дормонъ вырвавшись у нее изъ рукъ, спѣшилъ кь сраженію, надѣявщись получить вѣрную побѣду.

Погода въ тотъ день для охоты была весьма прекрасная. Дормонъ чаялъ встрѣтиться на ней, съ молодымъ

дымъ де-Мельекуромъ: зная жестокую къ сей забавѣ его страсть. Но къ превеликому удивленію Кавалера не было сей день въ полѣ. Дормонъ ходилъ около Мельекурова за̂мка, почти до одиннатцати часовъ, на прасно. Наконецъ скучивъ дожидаясь, вошелъ въ одинъ трактиръ и на писалъ слѣдующіи слова:

Цыдулка.

Вы г. Кавалеръ, покрыли гнуснымъ безчестіемъ и обезславили одну фамилію, которую я весьма почитаю. Пріемля участіе въ стыдѣ вами ей нанесенномъ я инако не могу остаться довольнымъ, какъ омывъ оной въ вашей крови. Въ восемъ часовъ найдете вы меня на западной сторонѣ вашего звѣринца, и я буду одинъ.

Отправивши написанную цыдулку къ Кавалеру съ однимъ лакѣемъ, того трактира, возвратился онъ къ своему пріятелю, которому ни чего не сказалъ о назначенномъ имъ поединкѣ.

Письмецо принесено было къ молодому де-Мельекуру въ самое то время, какъ онъ сидѣлъ еще съ своимъ

имъ отцомъ, которой приказалъ оное подать напередъ къ себѣ, но въ какое же пришелъ изступленіе, узнавъ его содержаніе. Увы! вскричалъ нещастливой сей старикъ, я вижу теперь, что все противъ жизни моей вооружилось! возьми, продолжалъ онъ, подавая сію бумашку, своему сыну, и посмотри виноватъ ли ты, въ чѣмъ тебя обвиняютъ. Нѣтъ, батюшка, отвѣчалъ Мельекуръ прочитавши; меня оклевѣтаютъ; но мнѣ должно пролить свою кровь, когда того требуютъ. Недостойная мать, говорилъ онъ въ запальчивости, ты неудовольствуясь принеся въ жертву свою дочь, порываешься и на мою жизнь! но злобной твой умыслъ еще не свершися. Бездѣльной подлецъ представляющей тебѣ въ помочь свою руку, возчувствуетъ напередъ, коль тверда моя, подкрѣпляемая любовью и честію. Какая тутъ честь, устремительно прервалъ его рѣчь старой де Мельекуръ, и въ чемъ ты ее поставляешь? Повелѣвала ли когда честь, дабы другъ друга разтерзывали? По этому, люди находясь свирѣпѣе, лютѣйшихъ звѣрей, проливая взаимно

свою

свою кровь, будутъ надѣяться приобрести истинную славу? Увы! доколѣ смертные будутъ стенать подъ игомъ толь ужаснаго и варварскаго обыкновенія! развѣ, никогда они не поймутъ, что гораздо славнѣе виннаго простить, нежели искать случая ему отмстить свою обиду? Нѣтъ: дорогой сынъ, нѣтъ, ты презришь таковой поступокъ, и не послѣдуешь толико ложному предразсужденію. Государевъ законъ намъ сіе запрещаетъ; но хотя бы оной и дозволялъ, то не довольнолибъ было къ воздержанію твоему одного воображенія, что идешь обмочить руки въ крови ближняго? Не ужѐ ли, безчеловѣчной! не достанетъ на то воли твоего отца, которой никогда тебѣ сего не дозволитъ? Молодой де-Мельекуръ вознамѣрясь неотмѣнно вытти на поединокъ, ни чего не противорѣчилъ: но еще притворился согласнымъ съ мнѣніемъ своего отца, дабы тѣмъ легче могъ достигнуть къ концу своего предпріятія. Я почитаю вашу волю за уставъ, говорилъ онъ ему; чувствую, что мой духъ влекомый доселѣ пустымъ блескомъ

славы

славы, безъ сопротивленія склоняется на ваше разсужденіе: да я еще и болѣе дѣлаю, прощаю обидителю, презирая мое неудовольствіе.

Кавалеръ выговорилъ послѣдніи сіи слова съ такимъ правдивымъ видомъ, что совершенно стараго де-Мельекура успокоилъ, которой тронувшись тѣмъ, обнималъ своего сына съ великою горячностію. Кавалеръ пользуясь сею минутою изорвалъ цыдулку и бросилъ лоскутки за окно.

Сіе произходило въ концѣ Сентября месяца, когда ночь начинаетъ становиться очень рано. Кавалеръ опасавшейся, дабы отецъ не приказалъ его стеречь, и чтобъ ему не возпрепятствовали вытти изъ покоевъ, притворился, что онъ ни какъ того сдѣлать не намѣренъ: для чего пошелъ прежде обыкновеннаго времени въ свою г рьницу, дабы не навесть ни малаго сумнѣнія. Окна изъ его горницы были въ садъ и такъ низки, что безъ труда спуститься въ низъ было можно. Онъ сію дорогу выбралъ для исполненія своего предпріятія.

Едва былъ ли седьмой часъ въ половинѣ, когда Мелькуръ сошелъ въ садъ. Онъ нашелъ Дормона на назначенномъ мѣстѣ, ого ожидающаго. Защищайтесь, говорилъ Кавалеръ, наступая на него съ обиженною шпагою, мы послѣ переговоримъ; я неимѣю времени мѣшкать: ибо можетъ быть уже меня ищутъ. Дормонъ приведенной въ замѣшательство, таковымъ суровымъ прїемомъ, едва успѣлъ изготовиться къ защищенїю. Они бились очень долго и еще никто другъ друга не поранилъ. Кавалеръ находясь сложенїемъ не такъ крѣпокъ, какъ его соперникъ, начиналъ отъ усталости ослабѣвать, Примѣтя всю опасность, которой онъ подвергнулся присоединилъ хитрость въ силѣ. И будто оплошавъ повергнулся прямо лицемъ къ своему непрїятелю. Дормонъ предавшейся сему обману бросился на него съ великою хитростїю, но сей отскочивъ проворно устремился съ боку на противника и вонзилъ свою шпагу поперегъ тѣла на вылѣтъ.

Оробѣвши нанеся такой смертной ударъ своему непрїятелю онъ

 по-

поспѣшно отъ него старался удалиться. Проходя близъ одной стороны звѣринца былъ нечаянно схваченъ четырью масками, которыя тотчасъ его обезоружили и завязавъ глаза отнесли въ коляску, которая ихъ ожидала въ лѣсу не далеко отъ того мѣста.

Сіи люди подкуплены будучи Г. де-Вельмаръ, обѣщавшею имъ учинить за то щедрое награжденіе, имѣли отъ нее приказаніе поймать Кавалера когда увидятъ паче чаянія его оставшимся побѣдителемъ на назначенномъ поединкѣ, на которомъ не сомнѣвалась, чтобы онъ не былъ. Они слѣдуя тихонько за Дормономъ пробыли весь день въ лѣсу.

Мельекуръ былъ везенъ по послѣдней мѣрѣ часъ. Онъ имѣя завязанные глаза и руки отъ своихъ похителей, безпрестанно ихъ ругалъ: бездѣльники! кричалъ онъ, какое я здѣлалъ беззаконіе? По какимъ правамъ, вы меня остановили? И куда везете? естьли хотите моей смерти, то для чего не также напали на меня, какъ и тотъ дерской, котораго я сей часъ выключилъ изъ числа

жи-

живыхъ. Я бы умѣлъ и васъ привесть въ раскаяніе за вашу смѣлость. Но сіи злодѣи не внимая его гнѣва, ничего не отвѣчали!

Наконецъ коляска остановилась. Они высадя изъ нее Кавалера, свели въ нѣкоторую башню, гдѣ крѣпко его заперли. Оставшись одинъ и имѣя глаза и руки завязанныя, какъ я прежде сказывалъ, Мельекуръ стоялъ неподвижно посреди своей темницы, предавшись на нѣсколько минутъ размышленію о своей судьбинѣ. На конецъ отчаяніе овладѣло его душею, ярость даровала ему силы, коихъ еще до селѣ не испыталъ. Разорвавши свои узы и отнявъ отъ глазъ завязку, побѣжалъ къ тому мѣсту гдѣ чаялъ быть дверямъ, которыхъ долгое время искавъ, наконецъ нашелъ. Правою рукою начиналъ ломать, но не могъ сокрушить ихъ крѣпости; онъ удвоялъ свои силы, но истощалъ ихъ напрасно и на послѣдокъ нашелся принужденнымъ оставить свое предпріятіе.

Ужѐ тогда было два часа по полуночи. Мальекуръ утрудившись сѣлъ на полъ, желая дать свободу своимъ

мыслямъ; но сонъ, подобной смерти, закрывшей ему глаза насильно лишилъ его скоро свѣта, и съ нимъ купно всѣхъ прискорбностей сердце его обременявшихъ.

Между тѣмъ Генріетта находилась въ своемъ монастырѣ, всякую минуту терзаемая отъ настоятельницы, твердящей и напоминающей безпрестанно ей о желаніяхъ ея матери. Г. де-Вольмаръ изволитъ, дабы вы постриглись, говорила сія старица Генріеттѣ: она ко мнѣ пишетъ, что находясь твердо въ своемъ намѣреніи, ни для чего оное не отмѣнитъ; чего ради вамъ надобно непремѣнно покориться ея волѣ. Наши родители, она продолжала, въ подобіи Бога суть преподаватели его всевышнихъ законовъ: которымъ естьли воспротивимся, то ослушаемся самихъ небесъ. Генріетта внемля прилежно сіи слова, стояла неподвижно, ничего не отвѣтствуя. Она простирала руки къ небесамъ, которыми ея угрожали, испуская тяжкіе вздохи.

Въ одинъ день находясь одна: да, дражайщій мой любовникъ, говорила

рила она отирая текущія слезы, да, я обѣщала пребыть тебѣ вѣрною, и должна то исполнить. Создатель мой, требуютъ, дабы я предалась и посвятилась тебѣ безъизъятно! Ахъ! какое сердце возложу на священной твой жертвенникъ! сердце оскверненное ужаснѣйшими клятвопреступленіями. Какова бы ни была та, которая насъ соединяетъ, но кто нарушитъ ее, не достоинъ свѣта. Нѣтъ, творецъ мой, ты того не восхощешь: милосердъ будучи къ заклинаніямъ нашимъ, требуешь посвященія чистѣйшихъ себѣ сердецъ. Человѣкъ, толь презрѣнная предъ тобою тварь не для того здѣланъ, дабы съ тобой собеседоватъ. И могутъ ли тебѣ нравиться сіи жертвы, столь часто приносимыя предъ олтаремъ твоимъ ради одной только политики? Которыя бы находясь въ поставленномъ тобою состояніи тебя чтили и горѣли любовію, но стѣня подъ игомъ своихъ невольныхъ заточеній, можетъ быть, тебя творца гнѣвятъ дерзновеннѣйшими жалобами.

Дѣвица, де-Вольмаръ сохранившая портретъ своего полюбовника, имѣла

оной до сего дня единымъ своимъ собѣседникомъ въ тогдашнемъ печальномъ состоянiи. Понеже весьма рѣдко выходила изъ своей горницы развѣ токмо къ трапезѣ или во время совершенiя службы, гдѣ ей быть всегда приказывали. Она приходила въ сiи мѣста всякой разъ съ тѣмъ унылымъ и прискорбнымъ видомъ, который бы мы охотно скрыть желали; и выходила отъ туда, какъ скоро бывала свободна. Одна молодая пансiонерка, (именемъ Аделаида), дочь богатаго купца изъ города Б.. съ которою Генрiетта познакомилась, навѣщала ее въ свободные часы. Весьма натурально, что нѣжныя сердца находятъ радостное удовольствiе, оплакивая нещастливой рокъ другихъ. Аделаида дѣлила прискорбiе своей прiятельницы, хотя совсемъ незнала, отъ чего она въ ней происходила; ибо Генрiетта была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя ввѣряютъ ихъ грусть всему свѣту, чая тѣмъ получить облегченiе. Она содержала свою во внутренности сердца, жалѣя и о томъ, что Аделаида могла примѣтить оную изъ внѣшняго ея состоянiя.

Аделаида прогуливаясь нѣкоторымъ днемъ съ дѣвицею де-Вольмаръ, просила обѣявить себѣ причину ея слезъ. Развѣ вы ненадежны на меня, сударыня, говорила ей сія дорогая дѣвица не однократно? Генріетта убѣжденная, вопросами толь часто съ искренностію произносимыми, а еще болѣе нѣжною пріязнію, которую имѣла къ Аделаидѣ, согласилась на конецъ удовольствовать ея требованіе. И они сѣли въ одной рощицѣ, какъ вдругъ увидѣли къ нимъ идущую сестру Софію, молодую старочку, принявшую сей санъ около года. Она давно искала случая соединиться дружбою съ Генріеттою, печаль, которою обрѣменена была сія, трогали ея сердце, не давно отъ своихъ ранъ изцѣлившееся. По этому грусть ваша никогда не прервется, говорила она ей подошедши? Понеже всегда вижу васъ въ горестнѣйшемъ состояніи. Ахъ! любезная Генріетта, для чего не откроешь своего сердца! можетъ быть я могла бы вамъ въ чемъ помочь. Меня тронула ваша судьбина съ той самой минуты, какъ вы сюда пріѣхали. Я по-

потомъ всегда была вашею пріятельницею, не хотѣвъ того объявить. Почитая вашу печаль я боюсь васъ спросить тому причины, дабы ее тѣмъ болѣе не умножить. Однако она и безъ того уже въ своемъ полномъ совершенствѣ: три мѣсяца не могли оной уменшить: и она на последокъ доведетъ васъ до гроба. Увы! мое злополучіе едва не превышало ли ваше. Софія же выговоривъ сіе, кинулась въ Генріеттины объятія, прижимая ее крѣпко къ своимъ грудямъ.

Дѣвица де-Вольмаръ, не приготовленная къ такому сильному приступу и имѣя сердце согласное съ языкомъ, прервала наконецъ молчаніе, такъ долго ею хранимое.

Софія и Аделаида искренно сожалѣли, услышавъ ея нещастія. Однако говорила, Генріеттѣ первая: вить Г. де-Мельекуръ незнаетъ, что съ вами зделалось; вы сами не вѣдаете, гдѣ онъ находится; то что можетъ васъ увѣрить, дабы онъ пребылъ вамъ навсегда вѣрнымъ, и чтобъ какой другой предмѣтъ. . . Ахъ! мое сердце въ томъ порукою, отвѣчала Генріетта:

ріетта: оно не полюбило бы кавалера, когдабъ чаяло отъ него измѣны. Онъ учинилъ мнѣ присягу, получа то же и съ моей стороны и я увѣрена, что оплакивая потерю, небуду тужить о его невѣрности. Вы ослѣплены вашею страстію, любезная пріятельница прервала ея рѣчь Софія: мущины обманчивы, я къ великому нещастію весьма то въ нихъ испытала; потомъ хотѣла было разсказать свою повѣсть; но время прогуливанія уже миновалось и они разстались давъ слово собраться послѣ ужина въ Генріеттину горьницу. Въ десять часовъ собрались они опять. Дали заснуть всѣмъ людямъ, дабы имъ кто непомѣшалъ и заперши въ комнатѣ двери, Софія начала исторію свою слѣдующимъ порядкомъ.

Мы жили въ одномъ замкѣ, которой батюшка мой имѣлъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Гренобля. Едва имѣла я двенадцать лѣтъ, когда съ нимъ осталась одна лишившись, матушки. Онъ вмѣсто того, чтобъ учить меня приличнымъ наукамъ моему полу, приказалъ здѣлать мнѣ мужское платье и взялъ съ собою на охоту,

которую чрезвычайно любилъ. Я ее не возненавидѣла; а въ скоромъ времени неимѣла уже кромѣ оной другаго упражненія. Къ моему батюшкѣ пріѣжжалъ часто Маркисъ де Соль... Онъ дѣлилъ съ нимъ какъ столъ такъ и забавы. Въ одинъ день привезъ съ собой своего сына, котораго привлекательной видъ тотчасъ меня плѣнилъ. Я была по пятнадцатому году, въ такомъ возрастѣ, когда мятительныя страсти осаждаютъ наше сердце, очень еще слабое, дабы могло противу стоять ихъ силѣ. При взорѣ на молодаго Маркиза я то почувствовала, чего еще никогда не испытала, опасалася во весь обѣдъ на него бросать моего взгляда. Краска, спутница невинности и стыдливости, явно начертала на лицѣ душевное мое смятеніе. Молодой Маркизъ бывъ старѣе меня, тотчасъ сіе примѣтилъ и видя все происходяще въ моемъ сердцѣ предпріялъ простирать успѣхъ своей удачи далѣе. Послѣ обѣда поѣхали мы за охотою. Я выстрѣливъ разъ десять не удачно подала всѣмъ поводъ надъ собою къ шуткамъ, на которыя отвѣчала, что оружія суть днев-

дневныя, и что я не въ свой день выѣхала. На конецъ вечеромъ возвратились мы домой. Молодой Соль... не щастливѣе былъ на охотѣ, что не мало меня утѣшало. Гости отужинавъ остались и ночевать у насъ въ замкѣ. Я всю ночь проводила въ размышленіяхъ. Батюшка мой человѣкъ не хитрой говоря, что думалъ, далъ мнѣ знать, что такое есть любовь, дабы, говорилъ онъ, могла я себя предохранить отъ ея пагубныхъ сѣтей. Тогда несомнѣвалася я болѣе что любила Маркиза. Да, говорила сама себѣ, я это чувствую конечно къ нему любовь. Ахъ! Естьли бы онъ меня любилъ, куда бы я была щастлива! И наконецъ уснула крѣпко въ сихъ размышленіяхъ. Едва прошло ли потомъ часа съ два, какъ вдругъ услышала стукъ у моихъ дверей, поѣдемъ, сударыня! сказалъ мнѣ одинъ голосъ, которой показался мнѣ Маркизовымъ уже пора; на дворѣ становиться поздо. Я ему отвѣчала, что тотчасъ встану; потомъ поспѣшно одѣвшись, нашла батюшку и двухъ нашихъ гостей уже готовыхъ. Выпивъ по чаркѣ ликеру мы сѣли на лошадей. Въ

тотъ

тотъ день надобно было намъ травить дикихъ свиней. Мы ѣздили по лѣсу уже съ часъ времени, когда увидѣли сабакъ нашихъ гнавшихся за однимъ кабаномъ, которой шелъ прямо на насъ. Маркизъ съ своимъ сыномъ на ту пору отъ насъ отлучился, а батюшка былъ отъ меня на ружейной выстрѣлъ. Я видя сего вепря, идущаго близко меня ранила его изъ фузеи. Разъяренной звѣрь, почувствовавъ ударъ, поворотился и увидя батюшку побѣжалъ къ нему, устремляясь на его лошадь, которая испужавшись начала биться и збросила сѣдока своего долой. Батюшка былъ подвергнутъ опасности быть разтерзану (*) Я соскочивъ съ моей лошади побѣжала стремѣглавъ къ нему на помочь. Звѣрь увидя меня бѣгущую къ нему, пошелъ ко мнѣ прямо. Не оробѣвши ни мало стала я однимъ колѣномъ на землю, дожидала его поразить остреемъ оружія (я обнажила охотничеи свой ножикъ) онъ устремясь на

(*) *Потрепоженная натура не находитъ себѣ препонъ*

на желѣзо самъ пронзилъ имъ свое сердце. Ослабѣвъ упалъ на землю и вертясь по песку испустилъ свой духъ вмѣстѣ съ текущею кровію. Отецъ мой вставши съ земли, спѣшилъ ко мнѣ на помочь, но въ какоежъ пришелъ удивленіе увидя сего свирѣпаго звѣря поверженнаго къ моимъ ногамъ. Онъ спросилъ меня торопливо, не была ли я изъявлена, и услыша, что нѣтъ: бросился въ удовольствія меня обнимать. Между тѣмъ Маркизъ съ своимъ сыномъ узря изъ дали нашу опасность, скакали къ намъ опустя повода. Ахъ! говорилъ имъ батюшка мой идучи на встрѣчу: моя дочь одна убила превеличайшаго кабана. Маркизы поздравляли меня съ побѣдою и молодой де Соль болѣе всѣхъ выхвалялъ мою храбрость. Куда пріятно слушать похвалу отъ обожаемаго предмета. Мое удовольствіе было неописанное. На конецъ стали совѣтовать, какъ бы взять съ собою затравленную добычу. Мы хотя и не безъ труда взвалили его на мою лошадь, а я сѣла съ батюшкой на одной и въ такомъ порядкѣ пріѣхали въ замокъ.

Гости пробыли у насъ въ замкѣ еще двои сутки, во время которыхъ мой полюбовникъ сыскалъ случай открыться въ своей любьви. Онъ заклиналъ меня съ нѣжностію, дабы ему сказать: былъ ли любимъ мною. Удовольствіе, съ коимъ я приняла его изьясненіе довольно ему показало, что я чувствовала равную страсть. Я скоро уѣду, сказалъ онъ мнѣ печально, и можетъ быть васъ долго не увижу. . . Да кто же вамъ въ томъ воспрепятствуетъ? прервала я его рѣчь. Развѣ Маркизъ привезъ васъ, чтобъ насъ только подглядѣть? Батюшка мой, васъ любитъ и почитаетъ; онъ поставитъ за удовольствіе, когда вы будете насъ посѣщать. Молодой де Соль принялъ съ восхищеніемъ данное мною ему позволеніе, и мы разстались будучи съ обѣихъ сторонъ весьма довольными.

Наконецъ онъ поѣхалъ, и увезъ съ собою, какъ мое сердце, такъ и спокойство. Восемь дней миновало, а я не видала еще своего полю овника, котораго изъ мыслей ни на одну четверть часа ни выпускала. Днемъ образъ его слѣдовалъ за мною въ лѣса,

а ночью всегда видала его во снѣ и съ нимъ разговаривала. Съ какимъ удовольствiемъ я ему открывала свое сердце, и показывала всю страсть имъ въ меня внушенную.

Онъ прiѣхалъ къ намъ въ замокъ въ девятой день, и засталъ меня дома одну. Батюшка уѣхалъ къ одному своему прiятелю и не прежде долженъ былъ возвратиться, какъ чрезъ двои сутки. Я его приняла съ любовнымъ восхищенiемъ. Маркизъ подошедъ съ разпростертыми руками меня обнялъ. Увы! Можно ли мнѣ было предузнать, что сiе, чудовище прiѣхало для похищенiя моей чести.

Во время ужины онъ мнѣ предложилъ въ слѣдующее утро ѣхать травить зайцовъ. Мы поѣдемъ, говорилъ онъ, на разсвѣтѣ и возвратимся домой къ обѣду. Я съ радостiю на сiе согласилась: приказавши потомъ послать для него, постель, сама заперлась въ своей горницѣ.

Я на охоту ѣздила въ мускомъ платьѣ, какъ уже вамъ о томъ сказывала. Въ тотъ день надѣла кафтанъ заленаго цвѣта, что вѣкъ пом-

нить буду. Выѣхавъ въ поле около пятаго часа, мы затравили ровно шесть. Возвращаясь по одной тропинкѣ ведущей въ небольшую рощицу, гдѣ тѣнь отъ деревьевъ, безмолвная тишина, разпещренная полевыми цвѣтами зелень, однимъ словомъ, все привлекало тутъ къ отдохновенію. Маркизъ мнѣ то и предложилъ. Я чувствуя усталость и чрезвычайной зной тотчасъ склонилась; ибо невинность далеко отстоитъ отъ всякаго подозрѣнія на беззаконіе. Со мною былъ благородной человѣкъ, въ чемъ естьли бы имѣла хотя малѣйшее сомнѣніе, то отвергнула бы сіе предложеніе съ нанесеніемъ безчестія его крови. Вотъ предразужденіе, прервала ея рѣчь Генріетта. Ахъ! такое, которое пренебрегаютъ, потому что нѣкоторой щастливой случай не произвелъ его между тѣмъ малымъ количествомъ людей, которые часто бываютъ обязаны одной своей силѣ. Похищенная ими власть надъ остаткомъ смертныхъ, долженствовала бы приводить въ стыдъ всякаго, ктобъ возгордѣлся наиболѣе своимъ благородствомъ. Не отмѣн-

ными ли поступками своими, вы благородные должны отличаться отъ прочихъ; человѣкъ ихъ пренебрегающій тѣмъ болѣе презрѣнія бываетъ достоинъ, чѣмъ есть знатнѣйшей породы, онъ обезславливаетъ своихъ предковъ, и долженъ краснѣть воспоминая о нихъ.

И такъ мы сѣли, начала опять говорить Софія: Маркизъ вынулъ изъ кармана маленькую бутылку и спросилъ меня, не хочу ли я выпить каплю ликеру, по куда недостигнемъ замка, отстоявшаго отъ насъ не далѣе полумили. Едва успѣла проглотить я измѣнническаго сего напитка, пріятной жаръ разпространился по моему тѣлу, казалось, что и самое сладострастіе влiясь въ жилы, обращалось вмѣстѣ съ моею кровію. Я томными глазами взирала на молодаго де Соль. . . кидвшаго на меня жадные взгляды. На конецъ сонъ закрылъ мнѣ вѣки и я очень крѣпко уснула. Обожаемой мною измѣнникъ того и дожидался. Разстегнувъ камзолъ, получилъ въ свою добычу обнаженныя мои груди. Видя меня совсемъ въ его власти, предпріялъ онъ довершить свое

беззаконіе. Почувствовавъ боль, я очувствовалась изъ подобія сонной болѣзни, въ которую впала отъ напитка; но въ какое пришла изступленіе, ахъ Творецъ! когда увидѣла себя въ рукахъ сего злодѣя, мнѣ нельзя у него было вырваться, хотя употребляла почти всѣ возможности, тиранъ взялъ въ томъ довольныя мѣры. Ослабѣвъ я упала въ обморокъ, а онъ между тѣмъ имѣя время удовольствовать свое скотство, скрылся.

Получивъ чувства, нашла я себя въ ужасномъ положеніи, но нечувствуя ни малаго отъ того отягощенія, я въ полной свирѣпости вставала. Ярость заняла мѣсто любьви въ моемъ сердцѣ. Я клялась омыть въ крови измѣнниковой мою обиду, а его беззаконіе. Возвратясь въ замокъ нашла въ немъ моего отца, которой пріѣалъ домой прежде, нежели я чаяла. Онъ спросилъ, съ кѣмъ я была на охотѣ, я отвѣчала съ притворнымъ спокойствомъ, что со мною былъ молодой Соль. . . которой меня покинулъ, уѣхавши домой для нѣкоторой нужды. Батюшка сочтя за прав-

ду сказанное мною, меня болѣе не распрашивалъ.

Замокъ Маркиза де Соль. . . лѣжалъ отъ нашего въ одной милѣ. Я каждой день изъ него, кого нибудь видала. И какъ всѣ знали, что Маркизъ былъ нашъ пріятель, то тѣ, у которыхъ я объ нихъ освѣдомлялась, ни мало тому не дивились. Двѣ недѣли спустя послѣ ужаснаго со мною произшествія, я услышала, что молодой Соль. . . поѣдетъ чрезъ два дни въ свой полкъ, которой ему купилъ его Отецъ.

Понеже я ѣздила почти всякой день верьхомъ, то мнѣ легко было подъ видомъ охоты ѣхать дожидаться своего непріятеля, не подавъ батюшкѣ о моемъ предпріятіи ни малаго подозрѣнія. Взявъ съ собою двѣ пары пистолетъ, я отправилась на разсвѣтѣ. Зная дорогу, по которой надобно было ѣхать Маркизу, остановилась отъ его жилища въ полумили на краю одного лѣса, которой ему необходимо надлежало проѣзжать.

Менѣе, нежели чрезъ четверть часа, онъ появился будучи провожаемъ только однимъ лакѣемъ. Видя его

приближающагося, ярость во мнѣ удвоилась. Закрывшись маскою и давъ проѣхать Маркизу, въ намѣреніи, чтобы не имѣть дѣло вдругъ съ двумя непріятелями выпалила по его лакеѣ, котораго хотя и не ранила но въ такую привела робость, что онъ во всю прыть поскалъ въ сторону. Господинъ его услыша стукъ оружія поворотился и поскакалъ на меня съ писшолетомъ. Тебя то мнѣ и надобно, я ему кричала, погоняючи противо него свою лошадь. Онъ успѣлъ выстрѣлить по мнѣ прежде но пуля непричинивши ни малаго вреда пробила только мою шляпу, я была его щастливѣе, ибо прострѣлила ему голову на сквозь. Маркизъ умирая свалился съ своей лошади, я тотчасъ къ нему приближилась и разкрывшись, вотъ чудовище! говорила, тебѣ достойное наказаніе за твое беззаконіе. Такимъ то образомъ отмщеваю я нанасенное тобою мнѣ безчестіе. Онъ простиралъ ко мнѣ трепещущіяся свои руки, однако умеръ немогши вымолвить. Съ моей стороны я спѣшила удалиться отъ того печальнаго мѣста.

Батюшка увидѣвши, что я пріѣхала домой почти мертвая, что здѣлалось съ тобою, онъ вскричалъ? Неотвѣтствуя ничего я трепеща слезла съ своей лошади и онъ взявъ меня подъ руку пособилъ дойти въ залъ. Увы! родитель, я говорила пришедя въ себя, уже то здѣлано, мнѣ надлежитъ рзстаться съ дражайшимъ въ свѣтѣ сокровищемъ, надобно, чтобы я васъ покинула, и мнѣ неосталось мѣшкать ни минуты. Прикажите заложить лошадей въ коляску, а я между тѣмъ васъ о всемъ увѣдомлю. Отецъ мой тотчасъ вышелъ, и воротился очень скоро.

Сѣвши подлѣ меня, взялъ онъ мою руку и старался въ недоумѣніи своемъ напередъ прочесть въ моихъ глазахъ то, что я имѣла ему объявить. Услыша подробно, о произшедшемъ между нами съ Маркизомъ и моемъ отмщеніи, онъ такъ обомлѣлъ, что могъ токмо меня обнять всхлипывая отъ текущихъ слезъ. Беги вскричалъ онъ наконецъ; скройся отъ строгости законовъ. Увы! любезная дочь, что ты здѣлала? . . . Моя должность. . . Между тѣмъ пришли

 шли

тли сказать, что коляска изготовлена, я нимало немѣшкавъ въ нее сѣла, приказавши ударить по лошадямъ прямо въ Л. . Я отправилась въ полдни и неостанавливаясь во всю ночь, пріѣхала въ сей городъ на другой день очень рано. Отославши коляску назадъ, я старалась въ тотъ же самой день сыскать для себя вѣрное убѣжище.

Сей монастырь показался мнѣ весьма удобнымъ для того Имѣя отъ батюшки на меня адресованные вексели, пошла я ихъ получить чрезъ нѣсколько дней по моемъ пріѣздѣ; потомъ нанявши покои жила здѣсь въ монастырѣ пансіонерою. Первые дни проводила я довольно покойно, воспоминая о моемъ приключеніи, которое мнѣ казалось сонною мечтою; но скоро погасшая, какъ я думала, страсть воспламѣнилась въ моемъ сердцѣ съ большимъ огнемъ. Образъ кровавый Маркизовъ всюды слѣдовалъ за мною. Въ ярости устремлялась я еще его поразить, но внезапно слышала, какъ казалось, голосъ ко мнѣ вопящей, стой! стой! безчастная; это твой полюбовникъ, обладатель твоей души. Въ ужас-

ужасномъ семъ состоянiи препроводила я четыре мѣсяца; иногда укоряя сама себя за убiйство Маркизово Многажды покушалась обагрить руки въ своей крови, но справедливое небо возъимѣло на конецъ жалость къ моимъ бѣдамъ, и благополучнѣйшая тишина воспослѣдовала послѣ толикихъ бурныхъ волненiи. Я не надѣясь здѣсь пробыть долѣе, какъ пока исходатайствуютъ прощенiе, ежели узнаютъ, что я Маркизова убiйца, получила между тѣмъ отъ батюшки извѣстiе, что могла безъ всякой опасности возвратиться, ибо на меня ни малѣйшаго не имѣли подозрѣнiя, услыша отъ лакея, въ котораго я неудачно выстрѣлила, что на нихъ напали разбойники, сего дѣла болѣе не розъискивали.

Толь хорошiя вѣсти меня побудили тотчасъ ѣхать домой. Пребывая съ батюшкою около осьми дней я впала въ прежестокую меланхолiю, рана моей любьви готова была снова растворитьcя. Тѣ мѣста, гдѣ видала гулявшаго Маркиза, мнѣ безпрестанно о немъ воспоминали. Вижу, говорила я въ одинъ день моему отцу,

что небеса меня наказуютъ, которыя я прогнѣвляю и въ сихъ мѣстахъ, курящихся еще моимъ беззаконіемъ. Мнѣ должно ихъ умилосердить; и я инако немогу надѣяться получить прощеніе отъ создателя, когда не посвящу ему на вѣкъ моего сердца. Батюшка, имѣя меня одну, на то несклонялся, и я насилу самыми убѣдительнѣйшими прозьбами получила отъ него дозволеніе. На конецъ я съ нимъ разсталась и проводя цѣлой годъ въ уединенности постриглась. Съ тѣхъ поръ нечувствую ни какого душевнаго угрызенія, живу покойно и могу сказать щастливо.

Софія симъ кончила свою исторію. Ужѐ было поздо и сіи любьви достойныя дѣвицы разошлись, обѣщая хранить ненарушимую тайность, а особливо о томъ, что слышали отъ Софіи и клялись быть искрѣннейшими пріятельницами.

Генріетта не могда уснуть во всю ночь, воспоминовеніе Софіиной повѣсти производило въ ней дрожъ и сердечное трепетаніе. Увы! она сама себѣ говорила, отъ чего я содрогаюсь? Мнѣ нечего сему подобнаго

опасаться. Нещастія мои отъ Софіиныхъ совсемъ различны, но для чего же они такъ много меня тревожатъ? Незная, что думать о своемъ состояніи, она далеко находилась отъ тѣхъ мыслей, дабы сіе было предчувствованіе новыхъ ея злополучій.

Мельекуровъ отецъ обезпокоясь легъ ли спать его сынъ, пошелъ къ нему въ горьницу, въ намѣреніи о томъ освѣдомиться. Имѣя двойной ключь онъ отперъ двери. Ахъ! Творецъ! Онъ ушелъ! . . Ушелъ, повторилъ его рѣчь, Ривьеръ, которой слѣдовалъ за нимъ. . . Да, дорогой мой Ривьеръ, его нѣтъ: бѣги скорѣе, избавь моего сына отъ смерти, а еще болѣе отъ ужаснаго беззаконія: и обьявилъ ему то мѣсто, гдѣ поединокъ былъ назначенъ. Ривьеръ, ничего не отвѣчая, взялъ съ собою двухъ лакѣевъ съ факалами, побѣжалъ на плачевное сіе мѣсто.

Кавалеръ только, что былъ увезенъ, когда онъ прибѣжалъ. Ривьеръ нашелъ одного Дормона, находившагося еще въ дыханіи. Отъ блеска факелъ онъ разтворилъ одну вѣку обремененную уже сномъ смерти.

хотѣлъ говорить, но оледѣнелой его языкъ не ворочался. Чрезъ минуту потомъ, собравши всѣ душевныя силы, сказалъ онъ умирающимъ голосомъ, кто бы вы ни были, но всѣ ваши вспомоществованія мнѣ безполезны: я чувствую, что ужѐ не встану. Прощаю моему непріятелю за мою смерть. . . Отважность моя получила наказаніе. . . И испустилъ свой духъ выговоря сіи слова.

Ривьеръ видя, что неможно ничего болѣе провѣдать, возвратился дать всему отчетъ Г. де-Мельекуръ.

Ну, вскричалъ сей старикъ какія ты мнѣ несешъ вѣсти? . . . весьма печальныя, милостивый государь. . . Ахъ! конечно мой сынъ убитъ. Нѣтъ отвѣчалъ Ривьеръ, однако не вѣдома его судьбина. Хотя и получилъ я нѣсколько словъ отъ его непріятеля, котораго нашелъ лежащаго на землѣ и испустившаго духъ чрезъ нѣсколко минутъ по нашемъ къ нему пришествіи; однако чрезъ нихъ ничего не льзя заключить, что здѣлалось съ моимъ бариномъ. Я думаю, повергнувъ своего противника, онъ скрылся, и мы вѣрно въ скоромъ

ромъ времяни о немъ получимъ извѣстіе.

Г. де Мельекуръ лишась сына, единой утѣхи и подпоры въ своей старости, приходилъ въ отчаяніе. Увы! говорилъ онъ, я предвидѣлъ сей свирѣпой ударъ мнѣ имъ нанесенной. Молодость предавшись бѣшенымъ своимъ стрѣмленіямъ слѣдуетъ слѣпо за тою пучиною, которая къ себѣ ее притягиваетъ; въ какія ужасныя пропасти ввергается она своимъ невѣжествомъ! Сынъ мой предводимый доселѣ строжайшею добродѣтелію, но теперь погрузившейся въ жесточайшій грехъ страшнаго человѣкоубійства, принужденъ будетъ странствовать въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ отъ своего отечества. Угнѣтаемой угрызеніями совѣсти, виновныхъ достойнымъ наказаніемъ. Скроемъ дорогой Ривьеръ, продолжалъ онъ, беззаконный его поступокъ. Можетъ быть небо умилосердясь теплыми моими моленіями, мнѣ его скоро благоволитъ возвратить, и я постараюсь опять водружить въ его сердцѣ сію добродѣтель, имъ изъ него только исторженную. Человѣкъ рожденный добродѣтель-

тельнымъ, можетъ впасть въ сѣти заблужденія; но рано или поздо обращается на истинную стезю. И добродѣтель паки беретъ свои права надъ его сердцемъ.

Тщетная надежда! нещастливый родитель! не такъ то скоро получишь ты своего сына, которой, стѣня подъ властію адской фуріи, еще долженъ испытать жесточайшія мученія.

Г. де Вольмаръ содержала его около шести мѣсяцовъ въ вышереченной мною башнѣ. Онъ получалъ всякой день пищу отъ одной маски, которая имѣла приказаніе исполнять сіе въ глубочайшемъ молчаніи. Кавалеръ спрашивалъ сего человѣка тысячу разъ, что въ какомъ мѣстѣ его содержатъ, и по чьему приказу; но ни слова въ отвѣтъ не могъ добиться: обѣщанія, прозьбы, угрозы, все было тщетно. Ему подавали ѣсть въ одну продушину и тотчасъ удалялись.

Первые дни своего заточенія Мельекуръ никакой пищи не хотѣлъ принимать, желая умереть съ голода. Но ослабѣвшая натура въ скоромъ времяни искала хотя и противъ его воли, чѣмъ бы себя оживить. Законъ, кото-

котораго естьли главныя начала о, чаж-
ды вЪ сердцѣ нашемЪ напечатлѣются-
ся, то уже бываютЪ незагладимы,
упрекалЪ его симЪ новымЪ беззакон-
нымЪ предпріятіемЪ. ОнЪ мало по
малу получилЪ свои силы и началЪ
ожидать того времяни, когда небо
благоволитЪ ему даровать свободу, ко-
торую и получилЪ вЪ такой часЪ,
когда того менѣе всего чаялЪ.

Г. де ВольмарЪ часто прихаживала
смотрѣть свою жертву, глядя на
нее по своей волѣ изЪ закрытагѡ мѣ-
ста. ОднимЪ днемЪ узрѣвЪ Мельекура,
сѣдящаго на кровати сЪ тѣмЪ по-
койнымЪ видомЪ, которой даруетЪ
намЪ разумЪ, когда одерживаетЪ
верхЪ надЪ нещастіями. Этого для
него много, она вскричала; онЪ вЪ
своемЪ заточеніи нетолько дабы ощу-
щалЪ горесть, но еще кажется нахо-
дитЪ нѣкакое удовольствіе. СЪ ка-
кимЪ непонятнымЪ постоянствомЪ
сноситЪ онЪ утрату единаго сокро-
вища для человѣка, и котораго онЪ
самЪ прежде сего искалЪ, подвергая
опасности свою жизнь. ИзтребимЪ
сію нечувствительность, она продол-
жала, вселившуюся вЪ него отЪ привыч-

ки-

ки къ претерпѣнію бѣдъ. Я властна надъ его жизнію, но что! умертвя его могу ли тѣмъ довольно за себя отмстить; нѣтъ я лишилась бы тогда половины своего мщенія. Надобно отмстить наказаніемъ ровнымъ обидѣ, мнѣ имъ нанесенной, и она отложила до другаго дня, совершеніе своего предпріятія.

Изъ числа четырехъ человѣкъ похитившихъ Кавалера, Г. де Вольмаръ для безопасности своей, предала смерти троихъ, оставя при себѣ одного, котораго имѣя орудіемъ всѣмъ своимъ беззаконіямъ неопасалась, чтобы онъ открылъ ея тайну. Г. де-Мельекуръ увѣрясь, что сынъ его удалился въ чужіе краи не чинилъ ни какихъ объ немъ поисковъ, да и дѣлать подозрѣнія на него въ убійствѣ Дормона, котораго смерти виноватаго еще незнали. Такимъ образомъ молодой де Мельекуръ, забытой всемъ свѣтомъ, оставленъ былъ преданнымъ всей яроспи своей непріятельницы.

Г. де Вольмаръ на самомъ разсвѣтѣ кликнула своего стряпчаго, того участника ея беззаконій, о которомъ

я сказывалЪ. (Его звали Брюнетомъ).

Г. Брюнетъ, она ему сказала: я находя васъ всегда привязаннымъ къ моей пользѣ, хочу наконецъ возблагодарить за ваши услуги и учинить такое награжденіе, котораго вы никогда может не ожидали. Поѣдемте со мною, я вамъ скажу о моемъ предпріятіи.

Сей господинъ Брюнетъ былъ тотъ самой, которой носилъ кушанье кавалеру, которому онъ въ тотъ день по приказанію г. де Вольмаръ отдалъ пищи вдругъ на нѣсколько дней; потомъ приказавъ заложить коляску, отправился съ нею въ путь.

Г. де Вольмаръ въ дорогѣ ему говорила: я намѣрена взять изъ монастыря мою дочь, и дать ее вамъ въ супруги; но надобно ее принудить сочетаться съ вами въ присудствіи, своего полюбовника, я хочу, дабы она дала вамъ свою руку въ его глазахъ. Естьли же Генріетта воспротивится и ни чѣмъ не можно будетъ ее къ тому принудить, то умертвя кавалера, приведу ее въ отчаяніе и

тѣмъ

тѣмъ отмщу имъ обоимъ. Потомъ опять заключу мою дочь на вѣки въ монастырь, и за утратой ея руки, моя будетъ вашимъ награжденіемъ.

Таковыми обѣщаніями ослѣпленной Г. Брюнетъ, обѣщалъ ей, что исполнитъ съ радостію всякое ея предпріятіе. Пріѣхавъ на другой день въ Л. . . стали они въ одномъ трактирѣ, и г. де Вольмаръ взявши карету поѣхала въ тотъ монастырь, въ которомъ находилась ея дочь.

Она просила поговорить съ настоятельницею, которая тотъ часъ къ ней пришла, приказавъ позвать и Генріетту. Сія любви достойная дѣвица едва успѣла увидѣть свою мать, какъ забывъ всѣ понесенныя бѣдствія бросилась въ ея объятія. Г. де Вольмаръ принявъ дочь свою очень ласково ея обняла. Генріетта пронжена была даже до слезъ такимъ ласковымъ пріемомъ, которой думала происходилъ отъ искренности. На послѣдокъ г. де Вольмаръ начала говорить: государыня моя, сказала она начальницѣ, я пріѣхала взять мою дочь, которой хочу показать одного ее родственника, пріѣхавшаго не

давно

давно изъ арміи; я ее вамъ привезу прежде двухъ недѣль; а между тѣмъ приказала Генріеттѣ запастись нужнымъ бѣльемъ для дороги; сія тотчасъ возвратилась, и они, простясь съ настоятельницею пошли къ ожидавшему ихъ Брюнету; пробывъ всѣ трое остатокъ дня въ Л. . . . поѣхали на другой день въ замокъ Волмаровъ.

Генріетта проводила въ немъ восемъ дней, не видавъ мнимаго своего родственника, въ которое время Г. де Вольмаръ содержала ее наилучшимъ образомъ. О сердце человѣческое! вертоградъ не проницательный! для чего не возможно читать на лицахъ человѣческихъ страшные умыслы, творимые развращенными ихъ душами? Г. де Вольмаръ лобызала и обнимала свою дочь безпрестанно.

Наконецъ плачевная минута наступила, въ которую сему чудовищу надлежало довершить свои злодѣянія. Взявъ двухъ лакеевъ и Брюнета, пошла она въ Кавалерову темницу, которую приказала отпереть. Сіе мѣсто было довольно освѣщено; Мельекуръ, увидя вшедшую Г. де Вольмаръ

 маръ

марЪ, вскричалЪ отЪ удивленія. ОнЪ на нее было устремился, но трое спутниковЪ, за нею слѣдовавшихЪ схватя его, привязали крѣпко кЪ желѣзному кольцу, находившемуся вЪ углу той башни. КавалерЪ ругалЪ свою тиранку, но она, ничего не отвѣчая, дала знакЪ людямЪ, чтобы слѣдовали за нею и приказала опять запереть тюрьму.

МельекурЪ не зналЪ, что думать о семЪ произшествіи: онЪ вѣдалЪ, гдѣ его содержатЪ, но изЪ сего ничего не могЪ еще заключить. Скоро свѣдалЪ онЪ, для чего его привязали.

Г. де ВольмарЪ тотчасЪ возвратилась преслѣдуема своею дочерью, которую введя вЪ Кавалерову темницу, посмотри, посмотри, сказала, виновника твоихЪ нещастій. ОнЪ здѣсь содержится вЪ оковахЪ, изЪ которыхЪ никогда не освободится. Я отмщу вамЪ обѣимЪ такЪ, что буду тѣмЪ совершенно довольна. ВЪ самое сіе время ударила ногою, а БрюнетЪ вѣдавшей сей знакЪ тотчасЪ вошелЪ. Ну сударыня, продолжала она, дайте вашу руку Г. Брюнету, котораго я избрала вамЪ вЪ супруги. Генріет-

ріетта посмотря нѣсколько на свою мать въ молчаніи: нѣтъ, сказала, наконецъ нѣтъ мил. государыня, я дала уже клятву Г. де Мельекуру, котоиому пребуду вѣрною до самой послѣдней минуты моего дыханія; ужаснѣйшее заточеніе, да еще и вѣчное, не столь бы было для меня страшно, какъ недостойный сей бракъ, я бы знала, что полюбовникъ мой живъ, меня любитъ, судьбина моя не такъ бы была для меня несносна, и я бы нимало не роптала.

Сіе было бы очень умѣренно, прервала ея рѣчь Г. де Вольмаръ, но принеся въ жертву негодный предметъ твоего пламени въ твоихъ глазахъ, тѣмъ учиню первое тебѣ наказаніе. Ахъ! Варварка, вскричала Генріетта упавъ на задъ. Г. Брюнетъ близко стоявшей ее принялъ къ себѣ на руки. Между тѣмъ Г. де Вольмаръ побѣжала сама за приготовленнымъ ядомъ нещастному Кавалеру.

Сей тщетно старался расторгнуть свои узы. Придя въ отчаяніе глядѣлъ онъ печально на Брюнета, которой, стоя не подвижно, взиралъ попеременно на него и на Генріетту,

пришедшую въ себя отъ бывшаго обморока. Нѣтъ вскричалъ онъ на конецъ, только смертоубійствъ николи въ мое сердце не вселялось: предпріятіе Г. де Вольмаръ поколебало бы всякаго изъ смертныхъ. Не бойтесь сударыня ничего продолжалъ онъ, я не употреблю данной мнѣ надъ вами власти во зло. Чтоже надлежитъ до васъ Г. мой, говорилъ онъ Мелькуру, то постараюсь сдѣлаться достойнымъ вашего сожалѣнія, а можетъ быть и пріятства, когда увидите мой въ разсужденіи васъ поступокъ; находясь виновнымъ орудіемъ вашего плѣна, мнѣ должно и разрушить ваши узы. Скройтесь, сохраните жизнь вашу отъ поисковъ развратнѣйшей женщины, которой и величайшія беззаконія суть обыкновенны. Тѣ люди, которые со мною васъ похитили, получили смерть ужѐ тому шесть мѣсяцовъ въ награжденіе за ихъ услуги. Мы сію тайну погребли вмѣстѣ съ ними. Самой супругъ Г. де Вольмаръ былъ печальною жертвою ощущаемой ею къ вамъ страсти. Предавшись совсѣмъ слѣпой ярости, она ничего не уважаетъ; имѣя сотоварищемъ своихъ варварствъ,

можетъ быть скоро и меня вздумаетъ предать смерти ради своей безопасности, или надобно тому предупредить. Новое беззаконіе приводитъ меня въ трепетъ: лучше уйти, я пойду на которой ни есть конецъ землй для умоленія своихъ грѣховъ покинувъ сіе чудовище, которое одно виновно всѣмъ моимъ беззаконіямъ.

Говоря такимъ образомъ, онъ спѣшилъ отвязывать кавалера, которой не могъ пріити въ себя отъ удивленія.

Мельекуръ увидя себя свободна, побѣжалъ къ своей обладательницѣ и ставъ предъ нею на колѣни цѣловалъ ея руку. Не мешкайте говорилъ ему Брюнетъ, вы не имѣете ни одной свободной минуты. Какъ, вскричалъ, кавалеръ, вы хотите, чтобъ я разстался съ дражайшимъ для меня въ свѣтѣ сокровищемъ. Не ужели я покину васъ Генріетта! ахъ! лучше умру — Нѣтъ кавалеръ, прервала она его рѣчь, бѣги, ибо не можешь здѣсь остаться безъ подверженія себя да и меня самой всей матушкиной ярости. Не страшись обо мнѣ какова бы ни была она жестока, но не осмѣлится обагрить рукъ въ собственной ея крови. На-

тура возмутится при самомъ о томъ помышлении; естьли накажетъ она меня только заточениемъ въ монастырь какъ и прежде, то будь увѣренъ, что я ни когда не свершу моихъ обѣтовъ, и сохраню въ цѣлости вѣчно данную тебѣ мною клятву.

Мельекуръ, взирая на нее, въ молчании испускалъ тяжелые вздохи. Ну! сударыня, сказалъ онъ на послѣдокъ, такъ побѣжимъ, скроемся оба отъ ея лютости, мой отецъ будетъ вамъ отцемъ, вы будите жить. — Нѣтъ, отвѣчала Генріетта, не ожидайте ни когда, дабы могла я учинить таковой поступокъ: чувствую, что любовь одерживаетъ верьхъ въ моемъ сердце надъ должностію; хотя ужасенъ мой рокъ, но нѣтъ ничего, я ему приношу себя совершенно въ жертву; я бы сдѣлалась васъ не достойною и не успѣла бы согласиться на ваше жаланіе, какъ бы пренебрегли вы мою слабость; будучи заключена прежде сего въ монастырѣ де Ю. . . . въ городѣ Л. . . я думаю, что опять туда отвезена буду, но хотя меня удалятъ въ сіе или какое другое мѣсто, однако найду способъ вамъ дать

знать

знать о себѣ; возвратитесь къ вашему отцу и ожидайте тамъ отъ меня извѣстія, пощадите Госпожу де Вольмаръ. Знаю, что она виновна и поступила съ вами не достойно, но я ея дочь. Бѣги, повторяла она, обнявъ кавалера и орошая его своими слезами.

Съ отчаяннымъ сердцемъ онъ на конецъ отправился въ путь и шелъ весьма медленно, желая встрѣтиться съ Г. де Вольмаръ, оставляя съ прискорбіемъ такое мѣсто, гдѣ покидалъ себя половину.

Между тѣмъ сошелъ онъ безъ малѣйшаго препятства и прикрываемъ ночною темнотою, которая ужѐ довольно распротерлась по небесамъ, имѣлъ щастіе удалиться, не бывъ усмотренъ. Направя свои стопы къ Мельекурову замку, въ скоромъ времяни его достигнулъ.

Мельекуръ едва успѣлъ выйти изъ башни, какъ Г. де Вольмаръ въ нее возвратилась, принеся съ собой смертной напитокъ. Войдя въ темницу, нашла Г. Брюнета, стоящаго предъ Генріеттою, которая съ нимъ разговаривала: бросивъ вдругъ свой взоръ и на то мѣсто, гдѣ чаяла быть скован-

ванному Кавалеру, увидѣла только однѣ веревки, коими онъ былъ связанъ. Оцепенѣвъ уронила она держимой ею сосудъ. Гдѣ же мой плѣнникъ, спрашивала у Брюнета? Развѣ его упустили? Развѣ мнѣ измѣнили? Измѣнники! отдайте мнѣ его или бойтесь всей моей лютости. Напрасно вы того ожидаете отвѣчалъ твердоей Брюнетъ, онъ ушелъ, и я тотъ, кто снялъ съ него узы; я проклинаю тотъ день, въ которой толико былъ слабъ, что согласился быть орудіемъ вашего звѣрскаго мщенія, вашъ гнѣвъ не имѣетъ ничего въ себѣ уже для меня обожаемаго: покинувъ васъ всей вашей ярости, которая пусть изліется когда отважится, не буду я по крайней мѣрѣ оной слѣпымъ орудіемъ.

Выговоря сіе: онъ вышелъ. Г. де Волмаръ пришедя въ ужаснѣйшую запальчивость полетела за нимъ въ слѣдъ, заперевъ напередъ Генріетту.

Она догнавши его скоро, измѣнникъ! вскричала: такъ ты меня покидаешь? Поди, возьми богатства, которыми я тебя снабдила, стараясь учинить тебя благополучнымъ: теперь заплачена за мои благотворенія

нія твоею измѣною. Богатства сіи для меня весьма богомерзски, отвѣчалъ Брюнетъ, которыя бы я получилъ моими беззаконіями; я доволенъ и тѣмъ, что принадлежитъ мнѣ законно: однако мы о томъ завтра поговоримъ, сказалъ онъ ей напослѣдокъ.

Сіе было въ семь часовъ вечера, онъ пошелъ въ свою горницу, и незабылъ ее запереть ключемъ. Понеже вѣдалъ, какова Г. де Вольмаръ. Вотъ судьба грѣшниковъ, трепетать другъ друга взаимно; злодѣяніе никогда не сопрягаетъ искренняго дружества, добродѣтель одна имѣетъ сіе право.

Г. Брюнетъ преобратившійся изъ ужаснѣйшаго беззаконника въ наидобродѣтельнаго человѣка конечно удивитъ читателей. Г. Брюнетъ произшедъ на свѣтъ съ честною душею испортился примѣромъ Г. де Вольмаръ. Сдѣлавъ участникомъ въ своей тайнѣ, она, такъ сказать, принудила его себѣ послѣдовать; чего не властна произвесть надъ нами женщина, которая имѣя право нами повелѣвать, понеже судьба насъ ей предала, употребляетъ злато, сего пагубнаго прельстителя,

и чинитъ блестящія обѣщанія, дабы уловить наше сердце. Я еще повторяю, что когда главныя начала чести одинъ разъ въ сердце напечатлѣются, то бываютъ уже не загладимы вѣчно. Огонь, лежащей подъ пепломъ, получа малѣйшій воздухъ, производитъ свѣтлѣйшія искры и часто бываетъ причиною не малымъ пожарамъ.

Г. де Вольмаръ, обезумленная симъ внезапнымъ возмущеніемъ, проводила ту ночь въ ужаснѣйшемъ нестроеніи.

Генріетта пребывала между тѣмъ въ Мельекуровой темницѣ, котораго нещастливой рокъ трогалъ ее всечастно. Увы! говорила она, какимъ случаемъ попался кавалеръ въ матушкины руки? Онъ претерпѣлъ ужаснѣйшее заточеніе. . . Я ему обязана всею моею любовію. . . Не для того ли ты злополучный рокъ насъ соединилъ, дабы на вѣки потомъ разлучить? Увы! естьли то такъ, смерть да прекратитъ скорѣе всѣ мои напасти. Слабой человѣкъ ожидаетъ ее съ трепетомъ, но одаренной разсудкомъ на нее взираетъ не боязненнымъ окомъ. Сіе нечувствительное разлученіе души съ тѣломъ есть предѣломъ всѣхъ на-

шихъ

шихъ превратностей, и начало того не увядаемаго покоя, котораго корень водруженъ въ наше сердце, и которымъ мы всегда ищемъ наслаждаться, но никогда не обрѣтаемъ.

Г. де Вольмаръ, проснувшись услышала, что Г. Брюнетъ бѣжалъ. Сія вѣдомость ее восколебала: но положа предать себя смерти, когда паче чаянія откроются ея беззаконія, она скоро успокоилась, и пошла въ башню. Генріетта приготовившись ко всему, не оробѣла видя ее пришедшую. Чего хотите вы сударыня, она ей сказала? Твоей погибели, поди за мною, и они сошли нанизъ вмѣстѣ. Я знаю говорила она, твою любовь къ тому подлецу, котораго я держала въ оковахъ, онъ отъ меня ушелъ, но ты осталась, сдѣлавъ тебя на вѣки злополучною, я тѣмъ покрайней мѣрѣ хотя часть получу моего мщенія. ты вступишъ вторично въ монастырь: гдѣ вѣчно, произнеся свои обѣты, заключишься, я буду видѣть твое неблагополучіе до конца моей жизни, и буду тѣмъ довольна; а естьли и по смерти можно, что ни есть чувствовать, то буду радоваться, что

ты

ты проводишь жизнь вЪ сѣтованіяхЪ, и что тебѣ нѣтЪ ни малаго канала кЪ возвращенію своего благополучія.

Выговоря сіе, оставила она Генріетту, спѣша приказать изготовить потребное кЪ ихЪ пути.

Они поѣхали потомЪ чрезЪ часЪ. Генріетта слѣдовала жертвою за своею варваркою. Пріѣхавь вЪ монастырь Г. де ВольмарЪ отдала остальныя деньги за свою дочь и попрося, дабы ее постригли, какЪ скоро будетЪ можно, возвратилась вЪ свой замокЪ.

ЧрезЪ восемЪ дней ГенріеттѢ обЪявили, что ей должно спустя мѣсяцЪ облечься вЪ иноческое одѣяніе, а чрезЪ четыре совсѣмЪ посвятиться.

Генріетта расположась вЪ своихЪ мысляхЪ, которымЪ послѣдовать была намѣрена твердо, повиновалась всему ей предписываемому, надѣясь лучшаго произволенія судьбы. Аделаида и Софія часто ее посѣщали, они дивились, что она пріемлетЪ покойно такое состояніе, кЪ которому имѣла всегда чувствительнѣйшее отвращеніе.

Когда срокЪ вышелЪ, Генріетта надѣла надлежащее одѣяніе, о чемЪ

тотчасъ дали знать Г. де Вольмаръ, какъ и о томъ времяни, когда ей надобно было постричься. Злочестивая сія женщина радуясь, получа начало своей побѣды отвѣчала, что она въ назначенной день пріѣдетъ въ Л.

Кавалеръ де Мельекуръ возвратясь домой былъ очень хорошо принятъ своимъ отцемъ. Сей достопочтенный старикъ, оплакивавшей потерю своего сына, обнималъ его съ восхищеніемъ. Увы! дражайшій родитель, ослушливость моя причиною многихъ моихъ бѣдствій. Перестанемъ о томъ воспоминать, прервалъ его рѣчь отецъ: раскаяніе заглаждаетъ тобою содѣянное беззаконіе, происшедшее не отъ развращеннаго серца но отъ невѣжества: однако разскажи мнѣ, продолжалъ онъ, что съ тобою приключилось со времяни твоего ухода? Кавалеръ тотчасъ ему разсказалъ, какимъ образомъ его похитили, по приказанію Г. де Вольмаръ, и какъ сія поступала съ нимъ во время пребыванія его въ тюрьмѣ: но меня просили ее пощадить, примолвилъ онъ, и я ей въ томъ прощаю, Однако между тѣмъ должно мнѣ пре-

предостеречь себя отъ ея поисковъ, когда паче чаянія свѣдаетъ она, что я здѣсь; ея лютость неудобопонятная, а учинить беззаконіе ей ничего не стоитъ, я уже умолчу, ибо содрогнулись бы вы отъ ужаса. Позвольте мнѣ милостивой государь ѣхать на нѣсколько времени въ Парижъ: дѣвица де Вольмаръ должна опять, возвратясь въ городъ Л. . . . вступить въ нѣкоторой монастырь, въ которомъ мать ее хочетъ постричь, и она обѣщала дать мнѣ о себѣ извѣстіе. Естьли вы батюшка оное получите, то здѣлайте милость, мнѣ о томъ скорѣе сообщите. Я увѣдомлю васъ о моемъ жилищѣ, какъ скоро пріѣду. Какъ ты еще любишь дѣвицу де Вольмаръ? увы! кто бы могъ ее не любить? Сердце ея есть святилище чистѣйшей добродѣтели. Да естьли она пострижется? . . . Нѣтъ батюшка, она мнѣ дала клятву, дабы не свершать своихъ обѣтовъ никогда.

Мы бываемъ слабы въ разсужденіи милыхъ для насъ предметовъ. Г. де Мельекуръ, согласился на всѣ требованія своего сына, котораго отъѣздъ назначенъ былъ чрезъ два дни.

Мелье-

Мельекуръ жилъ уже двѣ недѣли въ Парижѣ, когда получилъ письмо отъ своего отца, которому далъ онъ знать о своемъ пріѣздѣ. Тщетно искалъ онъ въ немъ увѣдомленія о дорогой своей Генріеттѣ, но старой де Мельекуръ ничего ему о ней не писалъ.

Въ одинъ день прохаживаясь въ Тюиллери и размышляя о средствахъ, какъ бы получить свою полюбовницу, былъ онъ вдругъ остановленъ Графомъ де Ш. . . . Ахъ! здраствуй, Кавалеръ, сказалъ ему сей, но чудно, что я вижу тебя въ Парижѣ. Ты пріѣхалъ жить, не правда ли? Понеже въ вашихъ Провинціяхъ только взрастаютъ, право живи въ Парижѣ: онъ есть собраніе всѣхъ забавъ и оживляющая звѣзда естества. Онъ едва далъ время Кавалеру отвѣчать, какъ находясь подлѣ дверей того сада, приказалъ подвести карету, въ которую сѣвши, взялъ и его съ собою.

Они познакомились во время своего обученія и были хорошими пріятелями.

Но куда ты меня везешь спросилъ на конецъ Кавалеръ, пріятеля своего? - -

Ужинать къ Баронш҃ де Нор. . . Мы найдемъ тамъ, говорилъ онъ веселую компанію, и будемъ хорошо приняты.

Баронша де Нор. была женщина двадцати пяти лѣтъ и вдовствовала около шести мѣсяцовъ. Она была собою очень пригожа, и множество вздыхателей состовляли ея бесѣду. Но ненамѣрясь вступать во вторичной бракъ слушала ихъ обожанія для своей забабы. Находясь притомъ обладательницею нещетнаго богатства оставленнаго ей покойнымъ старымъ Барономъ ея супругомъ, употребляла она его для провожденія пріятнѣйшей жизни, имѣя въ своемъ домѣ всегда игру, она, по свершеніи своей партіи, часто удерживала четырехъ или пятерыхъ пріятелей съ собою ужинать.

Графъ и Кавалеръ застали ее противъ обыкновеннаго одну. Она читала книжку, которую положила, какъ скоро ихъ увидѣла. Баронша выйдя на встрѣчу приняла ихъ съ тою учтивостію и искуствомъ, которое отличаетъ женщинъ, какъ надобно, а собливо живущихъ въ столицѣ.

Я

Я къ вамъ привезъ Мил. Государыня одного своего искренняго друга, сказалъ ей Графъ де Ш. . . . И мы пріѣхали просить у васъ ужина. Вы видите, что я поступаю въ томъ безъ церемоніи. То-то мнѣ и пріятно, отвѣчала Бароньша, приказавъ подать стулья Кавалеру и Графу, дабы всюды господствовала вольность. Къ чему служатъ сіи приневоливающія насъ церемоніи, и которыми толикое множество людей насъ обремѣняютъ? Сіе то меня и удаляетъ отъ женщинъ моего сообщества. Ихъ глупыя и гордыя учтивости преселяютъ меня въ совершенно противную Атмосферу моего характера. Я принуждена имъ отвѣчать одинакимъ тономъ и преходя изъ дурачества въ дурачество изъ учтивости въ учтивость, прихожу на конецъ разговаривая съ ними въ смертельную скуку. Правда не мало языкъ ихъ меня и язвитъ, но я мало безпокоюсь ложными осужденіями, намѣрясь всегда держать верхъ надъ ними.

Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Кавалеръ, которой еще ничего не говорилъ, за чѣмъ стараться ихъ пресѣкать;

ибо они подобны Гидрѣ всегда возобновляющейся. . . . Ахъ! для Бога, прервалъ его рѣчь Графъ де Ш. . . . Когда Кавалеръ вмѣшался въ сіе разсужденіе, то оно не скоро кончится. Оставимъ женщинъ съ ихъ пустымъ щекотаньемъ, повѣрьте мнѣ милостивая Государыня; и позабавимся лучше въ три и три. Онъ чрезвычайно любилъ игру, Баронша ее ненавидѣла; а Кавалеръ исправлялъ дѣло какъ и прочіе.

И такъ они сѣли играть. Баронша проиграла, но какъ женщина проигрывать знающая. Между тѣмъ доложили, что кушанье готово. Они ужинали роскошно. Баронша знатно ихъ подчивала. Она пѣла, и просила Мельекура тѣмъ же повеселить. Онъ недолго заставилъ себя просить, и выбралъ одну пѣсню, которую сложилъ для своей обладательницы во время пребыванія своего въ темницѣ. Она была подъ предложнымъ именемъ, и которая вотъ здѣсь.

ПѢСНЯ.

Прельщенный взоръ мой обожаетъ,
Тебя одну Лиза драгая;

И сердце страстное страдаетъ,
Съ тобой въ разлукѣ пребывая.
Прельщенный взоръ мой обожаетъ
Тебя одну лишъ, дорогая;
И сердце страстное страдаетъ
Съ тобой въ разлукѣ пребывая.

Пѣсня и вкусъ, съ которымъ онъ ее пѣлъ, понравились. Потомъ какъ Графъ спѣлъ свою, начали опять разговаривать и разговоръ нечувствительно палъ снова на женщинъ. Мельекуръ защищалъ ихъ противъ Графа, которой ругалъ чрезвычайно.

Право, говорилъ Графъ, я въ тебѣ нашелъ искуснаго Апологиста. Ты изъ женщинъ представляешь блестящую картину, которую съ такимъ искуствомъ превосходными покрываешь красками, что оно тебѣ сродно токмо одному, и которому я удивляюсь съ почтенiемъ. Ахъ! любезной прiятель, какъ ты ихъ мало знаешь! У нихъ только что пустая суета, обманы, зависть, и кокество. Женщина есть совокупленiемъ полнымъ всего, что только можетъ причинить мученiе человѣку, которой толико будетъ глупъ, что

вдастся въ ихъ сѣти. Нѣкоторыя изъ сего числа могутъ быть сходны съ твоею картиною; но дорогой мой какъ ета рѣдка птичка! или лучше сказать Фениксъ, которой обязанъ своимъ пребываніемъ только однимъ безмозглымъ головамъ нашихъ глупыхъ фабулистовъ. Молчи, молчи, я буду твоимъ Манторомъ: и въ восемъ дней выведу тебя изъ твоего заблужденія и принужу во всемъ быть со мною одинакихъ мыслей.

Надобно думать, сказала улыбаючись Баронша, что вы Графъ жестоко худо были трактованы женщинами. Совсемъ напротивъ, прервалъ онъ ея рѣчь: я имѣлъ въ нихъ щастіе, но никогда не находилъ истинной любви. Сія душевная страсть очень тверда для слабыхъ ихъ органовъ. Я былъ въ ней обманутъ: надѣясь часто изъ откровеннѣйшихъ поступокъ, видѣть начатокъ сея страсти; но тотчасъ видѣлъ ихъ изчезающихъ опять подобно молніи, которой живой и сіяющій блескъ, коль скоро появится, то и пропадаетъ. Ради сего я вамъ хочу разказать одно произшествіе, сбывшееся со мною около года.

Я былъ во Французской комедіи, въ тотъ день представляли Заиру. Вы безъ сомнѣнія знаете сію Піесу, не нужно мнѣ вамъ о ней подробно разказывать; довольно, естьли скажу, что въ самую ту минуту, какъ Оразманъ выговариваетъ своей полюбовницѣ за ея нечувствительность, услышалъ я изъ ближней ложи одинъ голосъ, вскричавшей; онъ очень несправедливъ; увы! она любитъ его одного, и живетъ только для него.

Я полюбопытствовалъ узнать особу, произнесшую сіи слова. Наклонясь скоро увидѣлъ одну молодую женщину обливающуюся слезами, текущими сверьхъ воли по ея щекамъ, кои въ состояніи были своимъ румянцомъ помрачить прекраснѣйшую розу. Черные и пропорціональные ея глаза окружались наилутчими въ свѣтѣ бровями. Станъ имѣла тонкой и очень стройной. Какъ такая красавица, притомъ плачущая, находитъ скоро къ нашему сердцу дорогу. Причина извлекающая ея слёзы, тронула меня, и я тотчасъ влюбился. Женщина, говорилъ я самъ въ себѣ, столько чувствительная къ нещастію другихъ, должна

жна быть въ состоянiи имѣть прiятную и твердую любовь. Я сталъ было чинить еще другiя разсужденiя; ибо хотя и вѣтренъ, однако иногда разсуждаю: но окончавшееся дѣйствiе принудило прервать мое размыщленiе. Окончанiе представленiя мнѣ до смерти наскучило. Я не спускалъ между тѣмъ во все сiе время глазъ съ прекрасной моей незнакомки, и радовался чрезмѣрно видя, что. . . .

На конецъ завѣса на Театрѣ опустилась. Я немедленно пошелъ въ слѣдъ за сею госпожею, которая уже покинула свое мѣсто и шла съ другою дамою, своею прiятельницею, какъ я послѣ о томъ свѣдалъ. Я былъ столь щастливъ, что увидѣлъ у моей незнакомки выпадшую изъ ушей серьгу, которую поднявши взялъ предосторожность, дабы оную неотдавать ей тотчасъ, но вознамѣрился отнести къ ней въ домъ.

Увидя сихъ двухъ Госпожъ, садящихся въ свой экипажъ, кликнулъ моего лакея и приказалъ слѣдовать за ними. Сего довольно, мил. Государь, отвѣчалъ онъ мнѣ прыгнувъ, какъ стрѣла на запядки и изчезнулъ скорѣе молнiи.

Зная

Зная проворность сего малаго въ подобныхъ случаяхъ, я несомнѣвался, дабы онъ возвратясь неудовольствовалъ меня совершенно.

Потомъ я пошелъ прямо къ себѣ домой и приказалъ оставить себя одного въ моей горницѣ.

Человѣкъ мой не бывалъ очень долго и я выходилъ изъ терпѣнія; на конецъ онъ появился. Ну! что же ты провѣдалъ? — . . Ахъ, Государь, о прекраснѣйшей особѣ? она поистиннѣ божественна. —— . . Послѣ, я все сіе знаю —— . . . И такъ я сталъ за каретою продолжалъ онъ: одинъ лакей потомъ тотчасъ ко мнѣ пришелъ, въ которомъ призналъ я Сентъ-Жана и мы возобновили съ нимъ наше знакомство. Другъ мой, сказалъ я ему, здѣлай мнѣ одолженіе, я здѣсь за тѣмъ, дабы узнать, кто такова молодая Госпожа ѣдущая въ семъ екипажѣ и гдѣ имѣетъ жительство. Тебѣ нельзя обстоятельнѣе объ этомъ освѣдомиться, какъ чрезъ меня, онъ мнѣ отвѣчалъ. Она молодая вдова, оставленная здѣсь старымъ Маркизомъ де. . . . ея супругомъ, который вздумалъ самъ отправиться пу-

 теше-

тѣшествовать на тотъ свѣтъ. Она покинувъ свой уѣздъ живетъ въ Парижѣ очень уединенно съ привезенною съ собою пріятельницею, которая при ней безотлучно. Все число ея домашнихъ состоитъ въ одномъ кучарѣ, двухъ верьховыхъ женщинахъ, поварѣ и во мнѣ. Маркиза выѣзжаетъ очень рѣдко и сіе весьма удивительно, что была она сего дни въ Театрѣ. Ибо во время пятимѣсячнаго ея здѣсь пребыванія, незнаю была ли въ немъ она больше трехъ разъ. Мы ее называемъ Эмиліею. Она получаетъ двадцать тысячь ливровъ годоваго дохода и еще ожидаетъ пребогатаго наслѣдства. Карета, Государь, остановилась между тѣмъ, какъ онъ еще говорилъ и мы находились въ улицѣ святаго Лудовика о Маре. Я примѣтилъ Эмиліино жилище и увѣрясь, что она тутъ живетъ подлинно, побѣжалъ къ вамъ во всю мочь и видите меня еще совсѣмъ запыхавшагося.

Я тобою очень доволенъ, сказалъ ему, ты завтра укажешъ мнѣ тотъ домъ, а теперь поди съѣшъ чего нибудь кусокъ и прикажи между тѣмъ подать мнѣ ужинать.

Я

Я ѣлъ очень мало и не могъ уснуть почти во всю ночь. Эмиліинъ образъ былъ предо мною безпрестанно. Однако на разсвѣтѣ пріятной сонъ сжалъ мои глаза̀ крѣпко. Проснувшись кликнулъ тотчасъ моего слугу: которой часъ, я у него спросилъ? Десятой часъ въ исходѣ, Милостивой Государь. —— . . Такъ поторопись же меня одѣть, я продолжалъ, дабы намъ успѣть выйти съ двора.

Достигнувъ квартиры моей, незнакомки, приказалъ ей о себѣ доложить. Она приняла меня въ самомъ щегольскомъ дезабильѣ. Извините меня милостивая Государыня, я ей сказалъ, въ той смѣлости, которую пріемлю васъ обезпокоивать. Выходя вчерась изъ Театра вы обронили одну серьгу, которую я поднявши пришелъ имѣть честь, ее вамъ вручить. Эмилія приняла серьгу покраснѣвъ и прошептавъ нѣсколько словъ, коихъ я не могъ разслушать: потомъ предложила мнѣ стулъ и я сѣлъ. Поговоря нѣсколько времяни простился съ нею. Попросивъ позволѣнія имѣть честь ее навѣщать, въ чемъ согласилась она съ такимъ же видомъ, какъ приняла серьгу: то есть,

имѣя краску въ лицѣ, и я возвратился.

Посѣщая Маркизу очень часто, я скоро внушилъ, или покрайнѣй мѣрѣ такъ думалъ въ нее страсть равную моей. Да кто бы въ томъ и не обманулся? Когда я приходилъ, то встрѣчали меня съ разпростертыми руками. Я собиралъ всегда на розовыхъ ея губахъ сладчайшіе поцѣлуи. Естьлибъ ты былъ не постояненъ, вѣтренъ? —— —— нѣтъ я того недумаю. —— —— и она съ нова меня обнимала. Признаюсь вамъ, что Эмилія была моимъ божкомъ, и я бы тогда принесъ ей въ жертву все мое благополучіе, да и самую бы жизнь. Она просила меня, чтобъ моя любовь ограничивалась въ присудствіи ея пріятельницы. Сія проклятая приходила къ намъ всегда въ самыя тѣ минуты, въ которыя я думалъ получить совершенную побѣду надъ моею обладательницею; казалось, что она присматривала за нами.

Наскуча таковымъ помѣшательствомъ и всегда желая съ горячностію получить отъ Эмиліи то, чего еще не могъ дотолѣ обрѣсть, предло-

ложилъ ей нѣкоторымъ днемъ ѣхать поглядѣть одинъ садъ, которой имѣлъ я въ предмѣстіи св. Антонія. Она приняла мое предложеніе, отложивъ его до другаго дни.

Я уговорясь ѣхать напередъ приказалъ прибывши туда изготовить вечернее кушанье; она пріѣхала потомъ чрезъ часъ, любовь сама потщилась ее украсить. Я такъ прекрасну еще никогда ее невидывалъ, и уповалъ, что желаніе мое наконецъ свершилось. Здѣлавъ нѣсколько оборотовъ по саду мы вошли въ одинъ пространной залъ, которой можно было почесть за Венерино жилище, и въ которомъ мы ужинали. Имѣя вкусное вино наливалъ ей онаго нѣсколько рюмокъ, отъ чего глаза ея воспламѣнились. Я взялъ ее за руку и пошелъ. . . . Что дѣлаете вы, Государь мой, сказала она мнѣ весьма холодно? Такія восхищенія мнѣ не нравятся и я васъ прошу ихъ умѣрить . . . Думая, что она говорила издѣваючись, я ее не выпускалъ изъ моихъ рукъ. Я вамъ говорю нешутя, продолжала она, ибо никому недозволяю такихъ вольностей, кромѣ тѣхъ, коихъ люблю, и ду-

мaю,

маю, что неподала намалѣйшаго повода вамъ быть такого мнѣнія. Потомъ принявъ насмѣшливой видъ, п равда Г. Графъ сказала: вы волокита перваго рода. Куда какъ вы страстны! знаю нѣкоторыхъ женщинъ любящихъ, дабы ихъ любили съ величайшую страстію и я могу васъ увѣрить, что воспомяну о васъ при удобномъ случаѣ; выговоривъ сіи слова, она вышла и поѣхала отъ меня.

Обомлѣвъ и подобно человѣку пораженному громовымъ ударомъ стоялъ я неподвижно, какъ пѣнь. Не вѣдаю бодрствовалъ ли я тогда, или какой обманчивой сонъ занималъ мои мысли. Неимѣя способности промолвить ни слова, я далъ свободу ей уѣхать. Пришедъ въ себя предпріялъ твердо позабыть такую женщину, которой въ обманъ дался такъ много. Съ того часа не ввѣрялся ужѐ сему легкомысленному полу, и есть ли былъ еще нѣсколько разъ обманутъ, то вѣрно сказать могу, что получилъ довольное мщеніе. Но впредь твердо увѣренъ, что не попаду въ ихъ сѣти.

Не

Не надобно ни вЪ чемЪ божиться, сказала Б. де Нор. которая много веселилась заключенiемЪ Графовой повѣсти. Никогда, Г. мой, она говорила, человѣкЪ такЪ близокЪ не бываетЪ пропасти, какЪ когда думаетЪ наидалѣе отЪ нее находиться. Я очень увѣрена, что и Г. КавалерЪ однихЪ со мною мыслей —— . . . Конечно, мил. Государыня, такЪ; ибо таковыя отважныя головы первыя вЪ оную попадаютЪ.

Повѣсть Графова далѣе ихЪ завѣла, нежели надѣялись. Ибо они разЪѣхались ужѐ вЪ два часа по полуночи. Баронесса просила Кавалера и Графа, чтобЪ ее чаще посѣщали; они обѣщая то исполнить разстались сЪ нею.

КавалерЪ ходилЪ кЪ ней почти всякой день, во время пребыванiя его вЪ Парижѣ. ОднимЪ днемЪ возвращаясь отЪ нее послѣ ужина очень поздо, былЪ онЪ остановленЪ двумя человѣками, которые имѣя вЪ рукахЪ обнаженныя шпаги принудили его выдернуть свою. Они вдругЪ на него наступили. КавалерЪ ставши спиною кЪ стѣнѣ, дабы не быть атаковану сЪ тылу, оборонялся очень храбро, и и-

мѣлЪ

мѣлъ щастіе повергнуть одного изъ сихъ плутовъ съ перваго удара и видя, что осталось сражаться съ однимъ, сошелъ съ оборонительнаго мѣста. Онъ уже далъ ему опасную рану, какъ вдругъ дозоръ нашелъ на нихъ, которой взявъ Кавалера и того человѣка свѣлъ ихъ къ одному частному Комисару, куда принесли также и лежащаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ туда мертвеца.

Комисаръ тотчасъ началъ допрашивать Кавалера; сей неколеблясь отвѣчалъ, что былъ атакованъ двумя незнакомыми, отъ которыхъ принужденъ былъ защищаться. Но естьли о томъ знать желаютъ яснѣе, то пусть спросятъ приведеннаго съ нимъ человѣка.

Его тотчасъ призвали, или лучше сказать принесли, понеже не могъ уже стоять на ногахъ отъ данныхъ ему Мельекуромъ двухъ глубокихъ ранъ, изъ которыхъ вытекло множество крови. Его принуждали говорить, угрожая свести въ Королевскую тюрьму. Увы! онъ сказалъ, понеже мнѣ остается прожить нѣсколько минутъ, то слѣдовательно не имѣю чего бояться, дабы объявить всю правду.

Господинъ сей ни мало не виноватъ. Мы съ товарищемъ на него напали и принудили защищаться. Одна незнакомая госпожа насъ подкупила на него напасть въ то время, когда онъ пойдетъ отъ Бароньши де Нор. гдѣ, сказала, онъ находится. Небо мстящее за грѣхи насъ наказало. — . . Я умираю. —— . . . Въ самомъ дѣлѣ онъ поблѣднѣлъ и умеръ потомъ чрезъ нѣсколько минутъ.

Комисаръ досадывалъ о томъ чрезвычайно, ибо желалъ знать, кто была сія женщина. Кавалеръ отстоялъ далеко, дабы подозрѣвать въ томъ Г. де Вольмаръ: находившись отъ нее далеко онъ о ней и непомыслилъ. Хотя всячески старались его допрашивать, но онъ клялся, что не знаетъ кто бы могъ дойти противъ его до такого злодѣйства.

Между тѣмъ отнесли тѣхъ двухъ мертвецовъ на обыкновенное ихъ кладьбище, прочитавъ напередъ словесный судъ. А Кавалеръ свидѣтельствовался Графомъ де Ш. по котораго тотчасъ послали. Сей господинъ самъ пріѣхалъ къ Комисару немѣдленно. На его слово выпустили Кавалера,

ра, которой неслыхалъ болѣе про это дѣло.

Незнакомая госпожа, приказавшая его умертвить, была Г. де Вольмаръ, которая, услыша, что онъ уѣхалъ въ Парижъ, почти въ слѣдъ занимъ поскакала на почтовыхъ. Она искавши многое время его по всѣмъ гуляніямъ, и операмъ наконецъ увидѣла въ Италіянскихъ, куда Графъ до Ш. . . его возилъ однимъ днемъ поглядѣть новой Піесы.

И такъ она его узнала, какъ я сказывалъ, и приказала освѣдомиться объ его квартирѣ. Кавалеръ де Мельекуръ въ тотъ день возвратился прямо домой. Приказавши за нимъ примѣчать, свѣдала она чрезъ нѣсколько времяни, что онъ часто ходилъ къ Баронш де Нор. . . . Она вознамѣрилась велѣть на него напасть, когда увидятъ его отъ оной выходящаго тѣмъ лучше, что жилище Баронши де Нор. . . . очень далеко отстояло отъ ея квартиры.

Ночь ужѐ начинала распростирать свое покрывало, когда ей пришли донести, что Кавалеръ пошелъ къ Баронш; она взявъ своихъ двухъ человѣко-

вѣкоубійцѣ, свезла ихъ на то мѣсто, гдѣ имъ надлежало дожидаться; потомъ возвратясь въ свою квартиру, уготовила пожитки, и давши отпускъ своему лакею, немедленно взяла почтовыхъ, дабы возвратиться въ свою землю де Вольмаръ.

Не успѣла она выѣхать изъ Парижа, какъ начала сожалѣть, что вручила попеченіе своего мщенія въ незнакомыя руки. Ну естьли они мнѣ измѣнятъ, говорила она каждую минуту? —— Такова то была ненасытимая злоба сей фуріи. Принесенная ею самою жертва не моглабы ярости ея удовлетворить, или бы удары нанесенные ею показались ей не довольно мучительными, или бы Мельекуръ отъ нихъ скоро погибнулъ.

Кавалеръ видя, что его жизнь въ Парижѣ не безъ опасности, притомъ не получая отъ Генріетты извѣстія, которое она ему прислать обѣщала, вознамѣрился ѣхать въ Л.. гдѣ ей надлежало находиться. Онъ отписавши о томъ къ своему отцу, отправился туда чрезъ два дни.

По своемъ прибытіи сталъ у одного пріятеля, котораго имѣлъ въ

семъ городѣ. Онъ былъ отецъ Аделаидинъ, сей нѣжной пріятельницы Генріетты, которой живя прежде сего въ Б. . . . переѣхалъ въ Л. . . . гдѣ имѣлъ большую часть своего имѣнія. Мельекуръ не сказалъ ни кому причины привлекшей его въ Л. . . . Онъ часто ѣздитъ слушать службы въ монастырѣ де Ю. . . . въ которомъ тщетно искалъ своими глазами дражайшій предметъ его любви, ибо ни какъ не могъ оную узнать подъ одѣяніемъ ее прикрывающимъ.

Однимъ днемъ, какъ Аделаида обѣдала у своего отца, которой спросилъ ее о дорогой ея пріятельницѣ; [ибо она такъ имѣла обыкновеніе называть Генріетту], увы! отвѣчала Аделаида, она пребывая спокойна, спокойна и въ наивеличайшей уединенности кажется; съ нетерпѣливостію ожидаетъ назначеннаго къ постриженію ея времяни. Хотя подлинно не знаю, однако буюсь, дабы сіе не было принужденно, и что единое отчаяніе принудило ее принять таковую участь.

Молодой де Мельекуръ услыша сіе поколебался и сильное смущеніе ему измѣнило. Отецъ Аделаидинъ сіе

въ

въ немъ примѣтя, сказалъ ему, кажется повидимому, что вы Г. Кавалеръ берете участіе въ сказанномъ моею дочерью. — . . Ахъ! Государь, наивеличайшее въ свѣтѣ. Дѣвица де В.*** конечно говоритъ о Генріеттѣ, ибо кто бы другой находился въ подобныхъ симъ обстоятельствахъ? Ахъ! сударыня скажите не имѣюли я хотя малой надежды? Такъ это вы Г. де Мельекуръ, отвѣчала Аделаида? Конечно онъ, сказалъ ей господинъ де В.*** — Ахъ! моя любезная пріятельница воскреснетъ, услыша, что вы такъ отъ нее близко. Будьте увѣрены сударь, она продолжала, что вы о ней завтрѣ же узнаете. Потомъ Кавалера стали принуждать расказать его произшествія, и онъ не долго заставилъ себя просить.

Аделаида возвратясь въ монастырь, въ тотъ же день объ откровеніи своемъ сообщила Генріеттѣ, принуждала ее отписать къ Кавалеру, отчаявающемуся отъ единаго плачевнаго воображенія, что она постригшись, хочетъ его на вѣки покинуть. Ему надлежало лучше меня знать, отвѣчала дѣвица де Вольмаръ, я клялася ему,

и мои клятвы не нарушимы: однако я прощаю ему за не достойной его страхъ, завтра къ нему отпишу, и сдѣлаете мнѣ одолженіе, когда вручите ему мое письмо.

Потомъ оставшись одна, тотчасъ написала къ нему слѣдующія строки:

ПИСЬМО.

„Я тебя Кавалеръ просила ожи-
„дать моего извѣстія въ замкѣ тво-
„его родителя, но твоя нетерпѣли-
„вость меня предупредила. Я васъ за
„то прощаю, ибо вѣдаю любовную
„страсть; будучи на вашемъ мѣстѣ,
„сама бы безъ сомнѣнія то учинила;
„однако я васъ покорнѣйше прошу
„не спѣщить со мною видѣться, на-
„дѣвъ иноческое одѣяніе, должна про-
„изнести чрезъ три мѣсяца мои о-
„бѣты. Я васъ увѣдомлю о назначен-
„номъ къ тому днѣ: не удаляйтесь
„и вѣрьте, что я вѣчно вѣрная
„ваша:

Генріетта де Вольмаръ.

Запечатавши сіе писмо, отдала его на другой день Аделаидѣ, которая тотъ же часъ поѣхала оное вручить Кавалеру. Сей находился одинъ, когда его от-

отдала ему Аделаида. Разпечатавъ съ восхищеніемъ, сожралъ онъ его своими глазами. Но что же сдѣлалось съ нимъ, увидя страшное сіе выраженіе! я должна произнесть мои обѣты. Она желаетъ, дабы я не сомнѣвался объ ея вѣрности, и самимъ тѣмъ пронзаетъ мое сердце. Ахъ! Генріетта, что я тебѣ сдѣлалъ? Можете ли постигнуть страшное мое состояніе, говорилъ онъ Аделаидѣ? . . . Потомъ снова читалъ писмо, казавшееся ему не проницательною загадкою. — . . Мельекуръ предпріялъ было отписать къ своей полюбовницѣ, дабы ему оную изъяснила, но полученной имъ приказъ, чтобы не стараться болѣе проникать, удерживалъ его отъ сего намѣренія. Онъ принеся свою благодарность Аделаидѣ, просилъ увѣрить Генріетту объ его привязанности, и вознамѣрился ожидать предписанной ему плачевной минуты. Между тѣмъ Генріетта и Кавалеръ увѣдомляли взаимно помощію Аделаиды, которая часто пріѣжжала къ своему отцу.

На конецъ наступилъ день, долженствующій положить предѣлъ толикимъ бурнымъ приключеніямъ. Гпж.

де Вольмаръ прибыла въ Л. . . . а Генріетта велѣла сказать своему обожателю, дабы онъ также пріѣхалъ въ ея монастырь: ужѐ все было къ сей церемоніи изготовлено. Собраніе нарочито было велико и Директоръ монастыря, которому надлежало посвятить Генріетту, довольно ужѐ разпространился въ своей проповѣди о суетѣ свѣтскаго житія, объ опасности въ немъ пребывать и о спокойной тишинѣ жизни монастырской.

Генріетта, стоявшая не подвижно посреди народа, казалось слушала сіи рѣчи съ глубокимъ вниманіемъ. Она бросала взоры на Мельекура, пребывающаго въ наижесточайшемъ невѣдѣніи. Гпж. де Вольмаръ ожидала съ своей стороны нетерпеливо окончанія церемоніи. Напослѣдокъ дѣвица де Вольмаръ выступивъ съ величавостію впередъ, приняла изъ рукъ Директоровыхъ плачевную форму. Тогда вдругъ послѣдовало глубокое молчаніе за появившимся предъ тѣмъ непорядочнымъ шумомъ. Всѣ внемлютъ и Генріетта произноситъ твердымъ голосомъ сіи слова: *я клянусь предъ Богомъ здѣсь присудствующимъ*

щимъ и предъ нами Государыня, оборотясь къ своей матери, *дабы не избирать и не имѣть иного супруга, кромѣ Г. де Мельекуръ, которой вотъ здѣсь:* она простерла къ Кавалеру свою руку. Онъ приближался, а Генріетта повторила произнесенную клятву.

Гпж. де Вольмаръ пораженная симъ, какъ громовымъ ударомъ упала въ жестокой обморокъ. Ее снесли тотчасъ въ внутреннія покои того монастыря. Сія женщина была чрезмѣрно толста, въ ней такое сильное здѣлалось волненіе, которое ее принудило прекратить духъ чрезъ нѣсколько часовъ, извергая ужаснѣйшую злобу. Таковъ то былъ конецъ Гпж. де Вольмаръ предѣлъ живота, достойный злодѣйской жизни, которую она провождала. Небо, отмщевающее беззаконія терпѣливо, но напослѣдокъ поражаетъ и удары его тѣмъ свирѣпѣе, чѣмъ далѣе мешкаетъ оно наказаніемъ.

Генріетта видя, что мать ее была унесена, полетѣла за нею въ слѣдъ. Она орошала ее своими горестными слезами и желала прекратить

жизнь надъ симъ оледенѣлымъ и бездушнымъ тѣломъ. Естество правъ своихъ никогда не теряетъ; хотя мать и принудила ее понесть несноснѣйшія бѣдствія, но она готова была искупить ея жизнь своею. Генріетту насильно удалили отъ сихъ печальныхъ мѣстъ. Мельекуръ ее ожидалъ у воротъ монастырскихъ, и они сѣвши въ одну карету поѣхали къ Г. В. вмѣстѣ съ Аделаидою.

Такое произшествіе произвело нарочитой шумъ въ собраніи. Многіе, услышавъ о употребленной жестокости съ дѣвицею де Вольмаръ, дабы она приняла иноческій санъ, не хулили ея предпріятія; скоро весь городъ про сіе свѣдалъ и она была новизною въ тогдашніе дни.

Между тѣмъ Господинъ В. *** въ разсужденіи Г. де Мельекура все приготовилъ къ погребенію Г. де Вольмаръ, которая похоронена была со всею помпою, надлежащею ея достоинству.

Кавалеръ, Генріетта и Г. В. *** съ своею дочерью отправились чрезъ нѣсколько дней въ Мелвекуровъ замокъ. Кавалеръ уведомя обо всемъ

своего родителя, просилъ его быть отцемъ дѣвицѣ де Вольмаръ, которую сей обнявъ, обѣщалъ всю свою горячность.

Пребывавшая доселѣ въ неутѣшимомъ состояніи Генріетта, сдалась наконецъ на неотступныя прозьбы Кавалеровы, и отерла свои слёзы. Ее тотчасъ старались привести во владѣніе ея имѣнія, она нарекла Мельекура своимъ супругомъ и подтвердила свое избраніе, какъ скоро было можно учинить при самомъ жертвенникѣ. Они вѣнчались въ зáмкѣ Г. де Мельекура.

Г. В. *** проводя у нихъ двѣ недѣли возвратился въ Л. . ., куда его торговля призывала. Аделаида сопряженная съ Генріеттою тѣснѣйшею дружбою не такъ скоро ее оставила и не прежде возвратилась къ своему отцу, какъ когда принуждена была туда ѣхать въ супруги одному весьма достаточному человѣку.

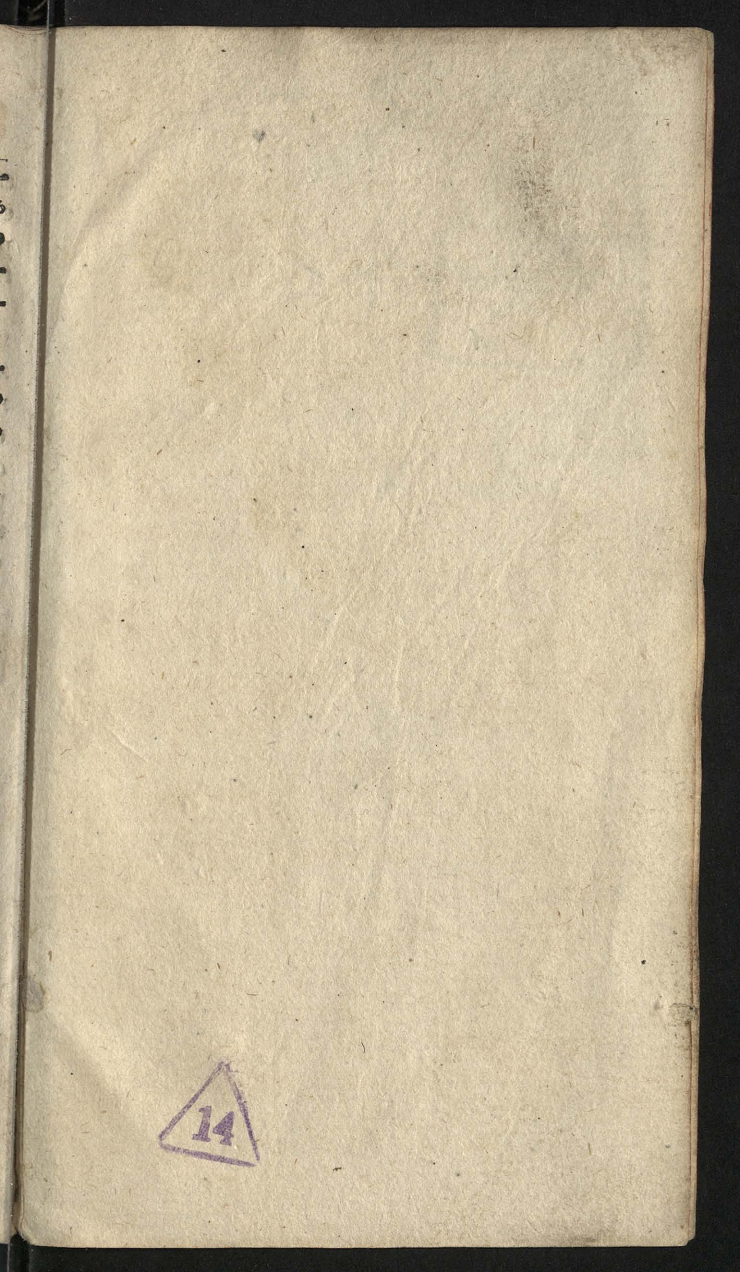
Благополучные супруги, дѣвица де Вольмаръ и Кавалеръ получили вѣнецъ своимъ желаніямъ. Небо, внемлющее ихъ прошенія, даровало имъ много дѣтей. Они жили вмѣстѣ съ

Господиномъ де Мельекуромъ, которой, имѣя удовольствіе облобызать внучатъ своихъ, наконецъ спокойно оставилъ свѣтъ посреди своей фамиліи, которая истинно о немъ сожалѣла.

Господинъ и Госпожа де Мелькуръ, спорились съ досадою, кто имѣетъ изъ нихъ преимущество въ нѣжности къ плодамъ ихъ любви, которые воспитывая наилучшимъ образомъ, имѣли удовольствіе видѣть ихъ всѣхъ супругами.

КОНЕЦЪ.




14





